S 44/1510

S 44/1510

146/406.

СВЯТЫЙ БЛАГОВѢРНЫЙ

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

Александръ Невскій.

ПАМЯТИ

ЦАРЯ-МИРОТВОРЦА.

КРАТКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ.

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, собственный домъ
1898.

Въ фундаментальную библіотеку Московской Дух. Академіи
1898 г., Янв. 2.
S 44/1510
146/406.

СВЯТЫЙ БЛАГОВѢРНЫЙ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

Александръ Невскій.

ПАМЯТИ

ЦАРЯ-МИРОТВОРЦА.

———

КРАТКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ.

Библіотека Московской Духовной Академіи
№20048.

МОСКВА.
Типо-Литографія П. Ефимова. Большая Якиманка, собственный домъ.
1898.

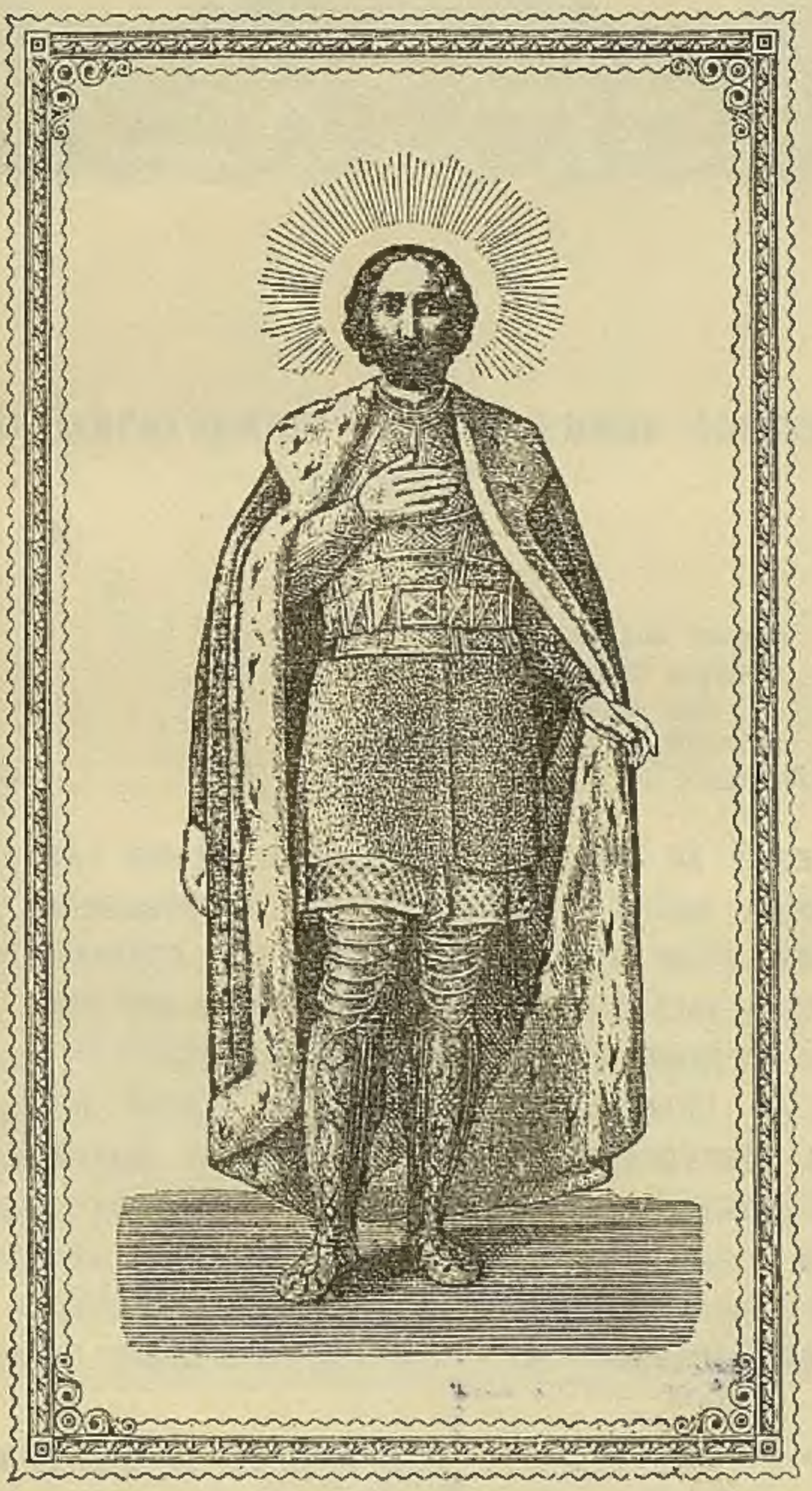
Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Декабря 11 дня, 1897 года.

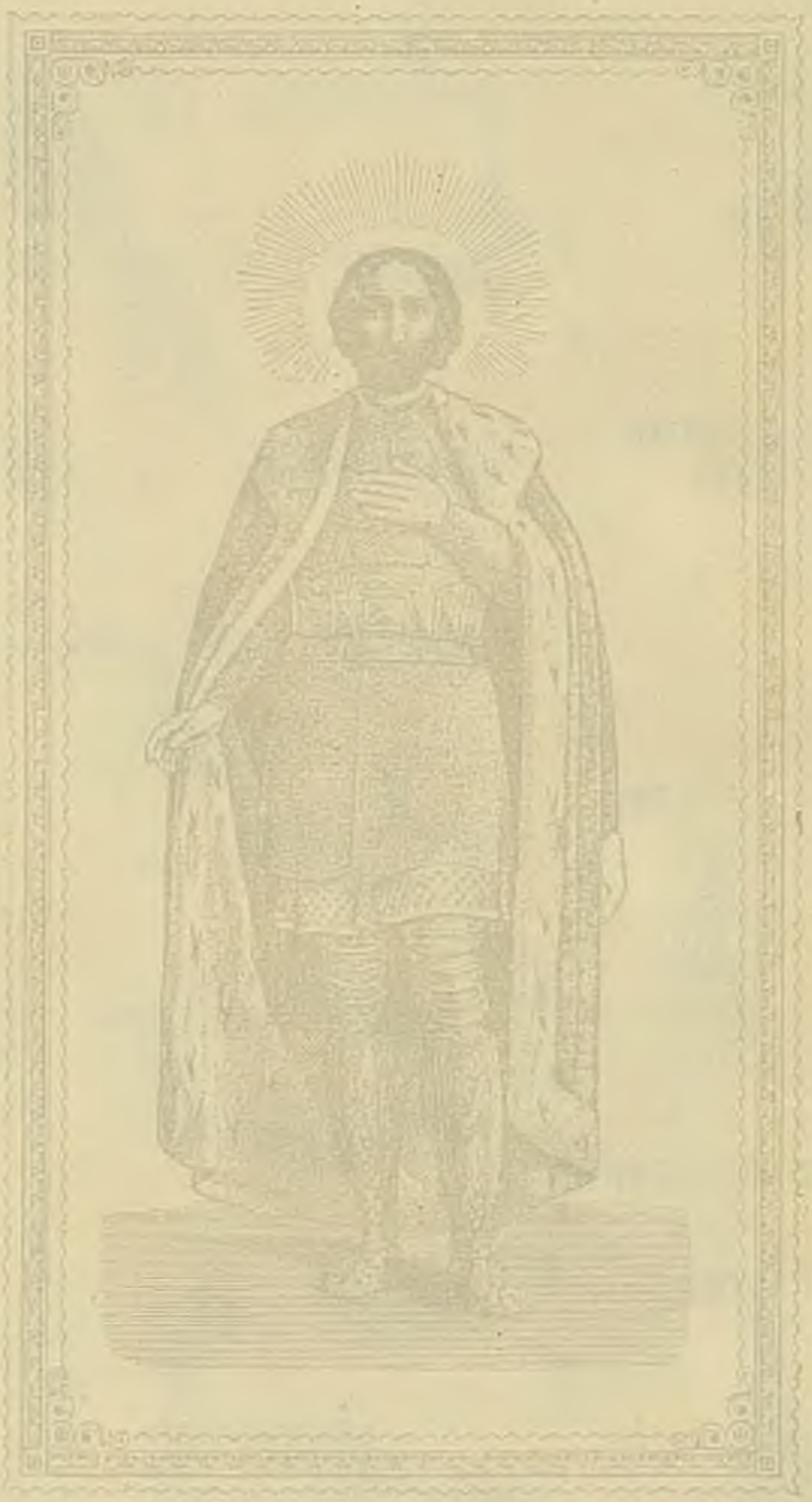
Цензоръ священникъ *Александръ Гиляревскій.*

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

4252-64

2007059075





Святый благовѣрный великій князь Александръ Невскій.

„О витязь, дѣлами твоими
Гордится великій народъ!
Твое громоносное имя
Столѣтія всѣ перейдетъ“!
(*А. Толстой*).

Болѣе шести вѣковъ свято чтится на Руси благословенное имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Не смотря на то, что такъ далеко отъ насъ онъ жилъ и дѣйствовалъ въ нашемъ отечествѣ, но земные славные подвиги его донынѣ живутъ и разливаютъ жизнь между нами—его отдаленными потомками. Какъ извѣстно, въ нашей болѣе тысящелѣтней исторіи, отъ равноапостольнаго Владиміра, просвѣтившаго нашу Русь свѣтомъ Христовой истины, до настоящаго времени, можно насчитать цѣлый рядъ князей и царей, которые сами шли и народъ свой вели къ благоденствію тѣмъ свѣтлымъ путемъ добродѣтелей, какой указанъ въ святомъ Евангеліи—совершителемъ нашего спасенія, Господомъ Іисусомъ Христомъ. Къ сонму такихъ народныхъ вождей и избранниковъ Божіихъ принадлежитъ и благовѣрный в.

князь Александръ Невскій,—по истинѣ великій труженикъ земли русской, увѣнчанный небесною славою. Вознесенный Богомъ на высоту престола, онъ великъ и славенъ былъ на немъ не однимъ великокняжескимъ достоинствомъ и мірскимъ величіемъ, но преимущественно необыкновенною преданностію къ вѣрѣ православной и пламенною любовію къ Богу и отечеству. «Много потрудился онъ, замѣчаетъ древній лѣтописецъ, за землю русскую, отдавая животъ свой и заправовѣрную вѣру». Не даромъ всѣ истинные сыны нашего отечества на пространствѣ болѣе шести вѣковъ преисполнялись и будутъ преисполняться къ нему чувствами благоговѣйнаго почитанія, какъ къ страдальцу за землю русскую, къ подвижнику вѣры, ангелу во плоти и т. д. Не даромъ и наша отечественная исторія на всѣхъ его дѣяніяхъ, совершенныхъ имъ для благосостоянія русскаго государства, останавливается съ особенною любовью, всегда ставя его въ примѣръ потомству. «Соблюденіе русской земли отъ бѣды на востокѣ, говоритъ нашъ извѣстный историкъ Соловьевъ,—знаменитые подвиги за вѣру и землю на западѣ, доставили Александру славную память на Руси, сдѣлали его самымъ виднымъ историческимъ лицемъ въ нашей древней исторіи отъ Мономаха до Донскаго» (Исторія Россіи, т. III). Не безъ причины, конечно, и наша св. церковь прославляетъ святаго вѣнценосца въ своихъ хвалебныхъ пѣснопѣніяхъ, именуя его «ревнителемъ и защитникомъ православной вѣры, тщательно проходившимъ возложенное на него служеніе предъ Богомъ и своимъ народомъ, успѣшно побѣждавшимъ полки супостатовъ и отгонявшимъ ихъ отъ предѣловъ Россійскихъ» (акаѳистная молитва св. князю). Вотъ тѣ главныя основанія, по которымъ отечество наше признало Александра Ярославича мудрымъ и добродѣтельнымъ, исторія—великимъ и славнымъ, а церковь—святымъ и блаженнымъ.

Бѣдственно для Россіи было то время, въ которое княжилъ боголюбивый князь Александръ, герой Невскій. Почти вся русская земля свирѣпыми монголами разорена была едва не въ конецъ. Города и селенія опустошены огнемъ и мечемъ, святые храмы поруганы, расхищены или разрушены. Христіане, избѣгавшіе меча и плѣна, скрывались въ горахъ и непроходимыхъ лѣсахъ; несчастные жители селились тамъ, гдѣ жили дикіе звѣри. Кромѣ кровожадныхъ татаръ, даже чудь и емь — безвѣстныя племена будто сговорились между собою разорвать на части бѣдную землю русскую. Князья русскіе собранную съ своихъ подданныхъ дань покорно несли въ орду, отъ которой зависѣли и власть княжеская и самая ихъ жизнь. Сами же между собою, къ стыду и горю великому, то и дѣло ссорились, да вели междоусобныя войны.. Но не таковъ былъ по воспитанію и характеру во время благопотребное воздвигнутый милосерднымъ Господомъ, *въ рукахъ Коего власть надъ землею* (I. Сир. X, 4),— воздвигнутый на благо и спасеніе нашего отечества, въ самую тяжкую и печальную для него пору, благовѣрный в. князь Александръ Ярославичь.

Св. Александръ, 2-й сынъ великаго князя Ярослава Всеволодовича, правнука Мономахова, родился 30 мая 1220 года. Воспитанный своими благочестивыми родителями въ духѣ истинной православной вѣры и древняго христіанскаго благочестія, онъ смолоду возлюбилъ Христа, съ самаго дѣтскаго возраста обнаруживалъ въ себѣ благочестивую настроенность и любовь къ храму Божію. Дѣтскія забавы и мірскія рѣчи не занимали его. Любимымъ занятіемъ его было чтеніе священныхъ книгъ, писаній свв. отцевъ и учителей церкви, пѣніе церковныхъ пѣсней и тайныя молитвы. Унаслѣдованная имъ отъ родителей и родствен-

никовъ *) любовь къ благочестію съ юности же проявлялась въ томъ, что онъ былъ истиннымъ заступникомъ сиротамъ, вдовицамъ, всѣмъ несчастнымъ и угнетеннымъ. Счастливое время отрочества и юности Александръ провелъ большею частію въ Новгородѣ, гдѣ отецъ посадилъ его княжить въ 1228 г. вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Ѳеодоромъ, давъ въ руководители молодымъ князьямъ двухъ Суздальскихъ бояръ. Въ 1236 году Ярославъ уѣхалъ въ Кіевъ, получивъ тамошній княжескій престолъ, и Александръ сталъ самостоятельно править Новгородомъ. Юный новгородскій князь главнымъ образомъ заботился о томъ, чтобы самому творить судъ правый и чтобы всѣ сподвижники его отличались правосудіемъ и милосердіемъ. Видный внѣшнею красотою, онъ былъ кротокъ взоромъ, силенъ словомъ и необыкновенно мужественъ духомъ. Самая личность его производила чарующее впечатлѣніе на всѣхъ, кто его видѣлъ. Незадолго до славной невской побѣды, въ Новгородъ приходилъ магистръ Ливонскихъ рыцарей Андрей Вельвенъ. «Я прошелъ многія страны, говорилъ онъ, знаю свѣтъ, видалъ царей и князей, но нигдѣ не встрѣчалъ подобнаго Александру мужествомъ и красотою: ни въ царѣхъ—царя, ни въ князѣхъ—князя» (Иск. лѣт. II, Новг. 1, 53). Пріятный голосъ его, говорятъ современники, гремѣлъ, какъ труба, на вѣчахъ. Онъ не любилъ говорить много и отличался изумительнымъ самообладаніемъ. Иногда случалось, что собираясь въ походъ, онъ даже своимъ ближайшимъ людямъ и военачальникамъ не высказы-

*) Отецъ Александра—Ярославъ былъ просвѣтителемъ Кореловъ, мать Ѳеодосія, въ иночествѣ Евфросинія, въ нашихъ лѣтописяхъ называется святою. Два дяди, братья его отца, положили жизнь свою за вѣру христіанскую и землю русскую въ битвѣ съ Монголами на рѣкѣ Сити. Двоюродный братъ его—Василько, мученически скончавшійся въ плѣну у татаръ, причтенъ церковію къ лику святыхъ,—и вообще весь родъ его отличался твердою вѣрою и благочестивою жизнію.

валъ прежде времени, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Воздержный въ словѣ, онъ былъ рѣшителенъ и твердъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Вдохновенный вождь, онъ умѣлъ вдохновлять народъ и войско. Онъ никогда не смущался даже и тѣмъ, что его ратная сила была ничтожна въ сравненіи съ силою непріятельскою и дѣйствовалъ быстро, съ живѣйшею вѣрой въ свое святое дѣло и геройство своихъ богатырей: рѣшительный и неустрашимый духъ его какъ бы непосредственно передавался его дружинѣ. Всего ярче отражается свѣтлый образъ доблестнаго героя въ лѣтописяхъ его современниковъ. Изображая его подвиги, они сравниваютъ его съ Александромъ великимъ, съ Ахилломъ, съ Веспасіаномъ, съ Самсономъ, съ Давидомъ, по мудрости съ Соломономъ. Тѣже современники вполнѣ цѣнили достоинства Александра, слава о немъ гремѣла далеко; по свидѣтельству лѣтописцевъ, въ цѣлой Россіи не было области, которая бы не желала имѣть его своимъ княземъ. Не трудно объяснить причины такого явленія. Русскій народъ, подавленный страшнымъ нашествіемъ татаръ, естественно искалъ утѣшенія и отрады въ томъ, кто хотя нѣсколько могъ бы поднять и ободрить упавшій духъ, оживить надежду, показать ему, что не все еще погибло на святой Руси.. И онъ нашелъ все это въ лицѣ Александра Ярославича, — такой свѣтлой путеводной звѣздой особенно послѣ невской побѣды сдѣлался онъ, на которой съ горячей любовью и упованіемъ сосредоточилъ свои взоры русскій народъ. Такимъ русскимъ народнымъ героемъ былъ доблестный Князь, призванный Богомъ въ годины тяжкихъ испытаній нашего отечества спасти будущность русской народности, православія и самодержавія!

«Смири Господь Богъ русскую землю, говоритъ лѣтописецъ, нахожденіемъ иноплеменникъ» (Тверск. л. 365).

Въ первый годъ княженія юнаго Александра въ Новгородѣ, татаринъ злой вторично шагнулъ черезъ рубежъ матушки Волги, и вотъ снова настала для нашихъ многострадальныхъ предковъ тяжкая година страшнаго Божьяго посѣщенія. Другой разъ бурнымъ опустошительнымъ ураганомъ, подобно разрушительному вѣтру, подъ предводительствомъ внука Чингизъ — хана — Батыя, монголы — татары вторгнулись въ Россію, все предавая на пути своемъ огню и мечу. Развалины и груды костей человѣческихъ обозначали ихъ путь. «Отъ множества воиновъ земля стонала; отъ громады войска обезумѣли дикіе звѣри и ночныя птицы» («Ист. Росс.» Иловайск. ч. II). Разгромивъ города внутренней Россіи и разоривъ суздальскую землю, татары направились къ великому Новгороду. При видѣ ужасовъ разрушенія, у всѣхъ опустились руки, падало мужество (Соф. 1. 246). Но усердныя молитвы боголюбиваго князя и народа были услышаны Богомъ. Не дойдя до Новгорода ста верстъ, Батый вдругъ повернулъ въ другую сторону—на югъ и устремился на городъ Козельскъ (Калужской губ), гдѣ всѣ защитники его были избиты отъ мала и до велика.

Спустя три года послѣ миновавшей, съ Божіею помощію, величайшей опасности татарскаго разгрома, въ 1239 году на 20 году жизни юный Александръ вступилъ въ бракъ съ дочерью Полоцкаго князя Брячислава, Александрою. Бракъ этотъ былъ торжественно совершенъ въ г. Торопцѣ (Псковской губ.), по пріѣздѣ изъ котораго въ Новгородъ, Александръ Ярославичъ повторилъ здѣсь свадебныя торжества, пожелавъ подѣлиться своею семейною радостью съ народомъ, и народъ веселился и радовался, любуясь и гордясь своимъ княземъ. Въ томъ же году дальновидный Александръ, съ общаго народнаго совѣта, началъ

заниматься постройкою крѣпостей на рѣкѣ Шелони, въ каковыхъ укрѣпленіяхъ была тогда настоятельная нужда; по обычаю того времени, онъ собиралъ ополченіе изъ разныхъ городовъ и съ необыкновеннымъ терпѣніемъ обучалъ свою дружину воинскому искуству. Только благодаря такой мудрой предусмотрительности, въ скоромъ времени Александру Господь судилъ прославить свое имя въ борьбѣ со Шведами, нѣмцами и литовцами, которые стремились овладѣть Новгородомъ и Псковомъ въ то время, когда остальная Русь подверглась страшному татарскому погрому. Подъ руководствомъ папъ и ихъ именемъ эти западные народы, одновременно съ нашествіемъ на наше отечество азіатскихъ полчищъ, устремились покорить весь міръ во имя христіанскаго Бога — на словахъ, а на самомъ дѣлѣ съ цѣлію порабощенія всѣхъ другихъ народовъ. По истинѣ «вѣчная похвала боголюбивому князю Александру, который съ изумительной проницательностью во-время разгадалъ страшную опасность, угрожавшую намъ съ Запада, предпочелъ татарскую неволю, всевозможныя униженія и тяжелыя матеріальныя жертвы, но въ тоже время мужественно сталъ на стражѣ русской народности» (св. благов. князь Алек. Невскій, Хитрова, стр. 56).

Не долго пришлось Александру оставаться безъ дѣла послѣ благословеннаго супружества. Въ 1240 году въ Новгородѣ было получено извѣстіе «яко свѣи идутъ къ Ладозѣ», т. е. что на Невѣ появились Шведы (Новг. 1,53; Соф. 1, 251). И прежде не разъ оспаривали у новгородцевъ обладаніе Финляндіей Шведы, теперь-же, побуждаемые буллою папы Григорія IX, возвѣстившаго крестовый походъ противъ язычниковъ—финновъ и русскихъ и именемъ Всевышняго обѣщавшаго прощеніе грѣховъ всѣмъ участникамъ похода,

безъ всякаго предварительнаго объявленія, вдругъ вторгнулись въ предѣлы Новгородскіе. Крестоносцы эти, давшіе названному папѣ — Григорію IX — клятву огнемъ и мечемъ распространять свое исповѣданіе вѣры, явились съ намѣреніемъ проложить ему дорогу и въ православной Россіи, покорить русскихъ и совратить ихъ въ вѣру латинскую. Для этой предумышленной цѣли, въ опустошенную Батыемъ страну русскую царствовавшій въ это время въ Швеціи король Эрихъ посылаетъ многочисленное войско въ сопровожденіи «честныхъ бискуповъ,» множества духовенства, а во главѣ ополченія— самаго знаменитаго героя (ярла) — своего зятя Биргера. Гордый Биргеръ, подплывъ въ ладьяхъ въ Неву, къ устью Ижоры, съ многочисленными войсками финновъ и шведовъ, надменно послалъ сказать Александру: «выходи противъ меня, если смѣешь, я стою уже въ землѣ твоей.» Но этотъ надменный вызовъ не смутилъ юнаго героя. Юный лѣтами, но твердый вѣрою въ Бога и покорный Его промыслу, благовѣрный князь не устрашился чужеземной угрозы, но, «разгорѣвшись сердцемъ,» обратился съ теплою молитвой къ единому избавителю всѣхъ Господу, въ слезахъ излилъ предъ Всевышнимъ скорбь свою и народа своего, и молитва сердечная проникла въ самое небо и низвела оттуда помощниковъ. Родственные по духу и плоти — святые мученики Борисъ и Глѣбъ невидимо явились на дѣло ратное восполнить малое число новгородской дружины. Начальникъ приморской стражи, ижорскій старшина — благочестивый Пелгусій (названный во св. крещеніи Филиппомъ), бдительно совершавшій ввѣренную ему стражу, на восходѣ солнца стоялъ на берегу Финскаго залива и зорко смотрѣлъ въ даль. Вдругъ видитъ онъ одиноко плывущую лодку и слышитъ какъ

бы плескъ отъ воды. Думая, что это—непріятели, Пелгусій еще пристальнѣе смотритъ: гребцовъ въ туманѣ не видно, а лодка стоитъ, и въ ней, братки обнявшись, два свѣтозарные витяза. Свѣтлыя лица ихъ кажутся извѣстными ему и одежды ихъ напоминаютъ ему святые лики страстотерпцевъ Бориса и Глѣба. И вотъ онъ слышитъ, какъ одинъ витязь говоритъ другому: «брате Глѣбе, вели грести, да поможемъ сроднику своему в. кн Александру Ярославичу.» Пораженный такимъ дивнымъ, небеснымъ видѣніемъ, Пелгусій поспѣшилъ разсказать все князю. Радостно забилось сердце князя при этомъ разсказѣ. Въ глубокомъ умиленіи, проникнутый увѣренностью въ Божіей помощи, Александръ тихо проговорилъ Пелгусію: «не говори никому объ этомъ, пока не увидимъ славы Божія» (Пск. 11, 3; Соф. 1, 252—253). Въ этотъ же день, а это было 15 іюля, въ день памяти св. князя Владиміра, юный герой, призвавъ въ молитвѣ своего святаго предка и св. сыновей его Бориса и Глѣба, принявъ благословеніе отъ Архіепископа Новгородскаго Спиридона, безъ страха и смущенія громкимъ голосомъ воззвалъ къ своей дружинѣ: «братья, не много насъ, а врагъ силенъ, но не въ силахъ—Богъ, а въ правдѣ!.. Не убоимся множества ратныхъ, яко съ нами Богъ.» (Тамъ же). Святое одушевленіе князя передалось народу и войску. Какъ молнія устремился онъ съ дружиною храбрыхъ новгородцевъ и ладожанъ на шведовъ. Внезапность и быстрота удара мгновенно привели ихъ въ замѣшательство. Подобно вихрю, впереди всѣхъ пронесся въ средину враговъ юный князь и увидѣлъ своего страшнаго врага... Съ необыкновенною отвагой бросившись на Биргера, онъ «возложилъ ему печать на лицо острымъ своимъ копіемъ» (Новг. л. IV, 35; Степ. кн. 1, 360). Въ этотъ же день—

съ утра до вечера, по сказанію того же лѣтописца, «бысть бой силенъ зѣло, ужасенъ и страшенъ» на южномъ берегу Невы, при впаденіи въ нее р. Ижоры. Но новгородцы овладѣли боемъ, дѣло враговъ было безвозвратно проиграно. Шведы, разбитые на всѣхъ пунктахъ, обратились въ бѣгство, оставивъ множество труповъ, тогда какъ въ войскѣ новгородцевъ убито было только двадцать человѣкъ,—такъ недорого обошлась славная побѣда! На другой день уцѣлѣвшіе отъ смерти враги наскоро вырыли на мѣстѣ побоища двѣ большія ямы и погребли въ нихъ трупы убитыхъ своихъ, а сами, гонимые страхомъ, поспѣшно удалились на своихъ судахъ съ береговъ Невы на свою родину.—Побѣдитель—Александръ Ярославичъ, спасшій православную вѣру отцевъ своихъ и весь народно-государственный порядокъ родной земли, при возвращеніи въ Новгородъ, съ неописуемымъ восторгомъ встрѣченъ былъ ликующимъ народомъ. И онъ, какъ истинный христіанинъ, прежде всего поспѣшилъ въ соборъ св. Софіи и излилъ здѣсь свои глубокія чувства благодарности, упавъ на колѣна предъ алтаремъ, въ такой горячей молитвѣ: «благодарю Тебя, Владыко преблагій, яко не оставилъ ми еси раба Твоего, и отъ враговъ нашихъ избавилъ ны еси.» Благодарное потомство за описанную знаменитую побѣду при рѣкѣ Невѣ увѣнчало его на вѣки славнымъ именемъ «Невскаго.» Съ этого времени герой Невскій сталъ еще болѣе славою русскаго народа, его надеждой, его утѣхой и гордостью (Новг. л. 1, 51, Псковск. II, 2—4).

Вольные и всегда безпокойные Новгородцы, не желавшіе подчиняться своему благодѣтелю—князю Александру такъ же, какъ властно управляли ими дѣдъ и отецъ, подняли такой ропотъ, что дѣло дошло даже до мятежа.

Кроткій и смиренный князь въ справедливомъ гнѣвѣ своемъ на тѣхъ, кому только что оказалъ величайшее благодѣяніе, не хотѣлъ болѣе оставаться въ Новгородѣ и зимою того же 1240 года вмѣстѣ съ матерью, супругою и дворомъ выѣхалъ отсюда въ Переяславль. Но обстоятельства заставили новгородцевъ скоро сознать свой неблагодарный поступокъ противъ Александра. Орденъ меченосцевъ, незадолго передъ тѣмъ соединившійся съ Тевтонскимъ орденомъ, возобновилъ наступательное движеніе на Русь новгородскую и псковскую. Въ годъ невской битвы начато было нѣмцами завоеваніе Псковской области. Взявши Изборскъ, они подступили къ Пскову, выжгли предмѣстья и поставили тамъ воеводою Твердилу Ивановича. Ободренные успѣхомъ, нѣмцы, давно дышавшіе местью къ новгородцамъ и стремившіеся къ ослабленію грозной ихъ силы, приступили къ завоеванію и новгородской волости. Водь или водская пятина была ими обложена данью, въ погостѣ Копорьѣ выстроена нѣмецкая крѣпость, взятъ Тесовъ, — земли по рѣкѣ Лугѣ подверглись разоренію и, наконецъ, нѣмецкіе отряды въ 30 только верстахъ отъ Новгорода стали производить грабежи и убійства. Гордые новгородцы смирились, но еще не совсѣмъ. Вмѣсто того, чтобы просить прямо св. Александра защитить ихъ отъ бѣдъ, они обратились къ Ярославу Всеволодовичу въ надеждѣ, не пришлетъ ли самъ Ярославъ желаннаго князя. Но Ярославъ послалъ имъ войско не подъ начальствомъ Александра, а третьяго сына своего – слабаго Андрея, который ничѣмъ не могъ обуздать нѣмцевъ. Они по прежнему свободно гуляли по водской пятинѣ, забирали скотъ и коней, такъ что совсѣмъ почти разорили новгородскую область. Тогда Новгородцы смирились и послали владыку — архіепископа съ боярами просить

Ярослава, чтобы онъ прислалъ къ нимъ князя Александра. Незлопамятный благочестивый князь забылъ недавнее оскорбленіе и явился на помощь новгородцамъ. Съ радостью принятый послѣдними, онъ наскоро съ дружиной двинулся на нѣмцевъ, первымъ дѣломъ отвоевалъ Копорье, гдѣ укрѣплялись враги, разрушилъ потомъ ихъ крѣпость; изгналъ ихъ изъ Водской области, а измѣнниковъ русскихъ изъ чуди и воложанъ строго наказалъ. Всѣ описанныя событія происходили въ теченіи одного—1241 года. Въ слѣдующемъ году Александра Ярославича снова ожидали подвиги во славу Россіи.

Враждебные тогда Россіи ливонскіе нѣмцы, воспользовавшись продолжительнымъ отсутствіемъ благовѣрнаго князя Александра Ярославича, впервые путешествовавшаго въ золотую Орду, напали на Псковъ, взяли его, поставили тамъ своихъ судей и безнаказанно хозяйничали во всей Псковской области. По возвращеніи отъ Батыя, возмущенный такою наглостію нѣмцевъ, доблестный князь выпросилъ у отца своего на помощь низовые изъ Суздальской земли полки и къ свѣжимъ силамъ присоединилъ дружины новгородскія. Немедленно, послѣ подкрѣпленія себя усердною молитвою въ храмѣ св. Софіи, онъ двинулся ко Пскову, занялъ всѣ ведущія къ нему дороги, и безъ особеннаго труда, съ Божіею помощію, очистилъ родину св. Ольги отъ нѣмцевъ, одна часть которыхъ погибла отъ меча,—другая, взятая въ плѣнъ, отведена въ Новгородъ. Дальновидный Александръ не ограничился однако этимъ сравнительно легкимъ воинскимъ подвигомъ,—нѣтъ, онъ, съ твердымъ упованіемъ на не разъ получаемую имъ видимую помощь Божію, рѣшился окончательно упрочить спокойствіе сѣвернаго края и навсегда лишить западныхъ непрошенныхъ пришельцевъ возможности вторгаться въ чужія владѣнія.

Въ видахъ лучшаго достиженія намѣченной патріотически—высокой задачи, мужественный Александръ, оставивъ въ покоѣ освобожденный Псковъ, не теряя времени, двинулся съ своею храброю дружиной въ предѣлы Ливоніи,—въ самую чудскую землю, надъ которою властвовали нѣмцы. Эти послѣдніе, до которыхъ дошла страшная вѣсть объ освобожденіи Пскова, быстро собрали громадное ополченіе и самонадѣянно рѣшили покончить съ новгородскимъ княземъ. «Пойдемъ, погубимъ князя Александра и возьмемъ его своими руками», хвастливо говорили ливонскіе рыцари. Не безъ основаній, впрочемъ, они такъ говорили. Когда приближалась вся рать непріятельская, то русское войско изумилось, увидавъ силу нѣмецкую. Не палъ однако духомъ герой невскій, всегда твердый надеждою на помощь Божію. Подкрѣпивъ духъ свой и сподвижниковъ своихъ молитвою въ Псковскомъ соборномъ храмѣ св. Троицы и, по заведенному обычаю, принявъ благословеніе отъ пастырей церкви, храбрый вождь смѣло выступилъ на встрѣчу врагамъ и съ своими главными силами выстроился близъ урочища Узменя и Вороньяго камня. Здѣсь то, на льду Чудскаго озера, и произошла та достопамятная битва съ нѣмцами, которая во всѣхъ лѣтописяхъ извѣстна подъ именемъ «Ледоваго Побоища». 5 апрѣля 1242 года, въ субботу на пятой недѣлѣ великаго поста, призвавъ на помощь Заступницу рода христіанскго, Которой въ этотъ день воспѣвались хвалебныя пѣсни въ храмахъ, и послѣ глубокихъ думъ о причиненныхъ западными врагами русскому народу бѣдствіяхъ, доблестный князь Александръ, воздѣвъ руки къ небу, громко воскликнулъ: «разсуди, Боже, споръ мой съ этимъ высокомѣрнымъ народомъ!» И раздались въ отвѣтъ на эти слова громкія восклицанія дружныхъ его

полковъ: «о честный и дорогой нашъ княже, приспѣлъ часъ сложить намъ за тебя свои головы!» (Соф. 1, 257; Пск. 11, 4). Неотразимая сила общаго одушевленія изгнала всякій страхъ изъ сердецъ русскихъ храбрыхъ воиновъ. И вотъ, на восходѣ солнца, Александръ «знаменався крестнымъ знаменіемъ», началъ жестокій бой. Не смотря на многочисленность нѣмецкихъ войскъ, острою колонною врѣзавшихся въ наши ряды, онъ, ударивъ на непріятелей съ боку, мгновенно привелъ ихъ въ замѣшательство, такъ что весь боевой планъ враговъ разстроился. Тогда до такой степени была ожесточенная сѣча, что, по разсказамъ современнаго лѣтописца, «казалось все озеро всколыхнулось и тяжко застонало. Не видно было льду,— все было залито кровью.» Такой ужасный бой продолжался до темнаго вечера, — до тѣхъ поръ, пока, продолжаетъ тотъ же лѣтописецъ, «обратили враги «плещи своя,» и сѣкли ихъ русскіе воины, и некуда имъ было скрыться. Избивали ихъ на льду и лежали тѣла чуди на протяженіи семи верстъ. Пятьсотъ рыцарей пали отъ нашихъ мечей и пятьдесятъ попались въ плѣнъ.» Нѣкогда гордые завоеватели Пскова, теперь потупивъ глаза въ землю, печальные шли въ своей рыцарской одеждѣ за нашими всадниками. «Такъ Богъ прославилъ здѣсь, заключаетъ лѣтописецъ, князя Александра предъ всѣми полками, какъ Іисуса Навина подъ Іерихономъ.» (Новг. л. IV, 37). Едва ли Псковичи помнили въ исторіи своей день счастливѣе того дня, когда побѣдоносный вождь торжественно возвращался въ городъ. Впереди въ свѣтлыхъ одеждахъ шло духовенство: игумены и священники — съ святыми иконами и крестами,—позади шла въ праздничныхъ нарядахъ счастливая и радостная толпа Псковичей. Несмолкаемо въ честь побѣдителя раздавались въ воздухѣ хва-

лебныя пѣсни: «слава Господу и вѣрному рабу Его Александру Ярославичу.» Раздѣливъ радость торжества съ псковичами, Александръ поспѣшилъ въ Новгородъ, гдѣ тоже, исполненный сердечной благодарности Богу, народъ восторженно праздновалъ славную побѣду надъ иноземцами. Понемногу успокоенные послѣ пораженія, нѣмцы спѣшили заключить миръ, по которому согласились отказаться отъ всѣхъ своихъ послѣднихъ завоеваній и даже уступили значительную часть своихъ земель. Такъ явно Господь сохранилъ нашу Русь отъ западныхъ приверженцевъ папства и послѣдователей католичества. Не даромъ благочестивый Александръ, по вступленіи въ г. Псковъ, прежде всего поспѣшилъ въ храмъ св. Троицы, гдѣ излилъ душу свою въ благодарной Господу Богу молитвѣ за спасеніе православной Россіи отъ грозившей ей большой опасности. Не даромъ и современники Александра придавали этой побѣдѣ важное и благодѣтельное значеніе. «О псковичи, восклицаетъ лѣтописецъ, если вы забудете вел. князя Александра Ярославича, не будете помнить его благодѣяній, то вы уподобитесь жидамъ, которыхъ Господь напиталъ въ пустынѣ «крастелми печеными и т. д. (Соф. 1, 258).

Не много прошло времени послѣ «Ледоваго побоища», какъ лѣтописцу приходится говорить о новыхъ врагахъ: «въ то время (1242 г.), говоритъ онъ, усилились литовцы и, отбиваясь отъ нѣмцевъ, начали рядъ опустошительныхъ набѣговъ на русскія земли» (Соф. 1, 258). Едва окончивъ одну борьбу, доблестный заступникъ отечества Александръ Ярославичъ съ неослабною энергіею поражаетъ новыхъ опасныхъ враговъ—литовцевъ. «Князь новгородскій, повѣствуетъ лѣтописецъ, выступая неоднократно противъ нихъ, жестоко избивалъ ихъ и истреблялъ до послѣдняго человѣка, до послѣдняго князя. Во время одного

похода удалось ему разбить семь непріятельскихъ ратей, при чемъ избито было много воеводъ ихъ, а иныхъ взяли въ плѣнъ. Слуги князя Александра, ругаясь надъ непріятелями, привязывали ихъ къ хвостамъ своихъ коней и такимъ образомъ вели за собою безбожную литву. Съ того времени литовцы стали бояться имени Александра» (Соф. 1, 258; Пск. 11, 45; Тверск. 385). Такимъ цѣлымъ рядомъ побѣдъ съ 1244—1245 гг. князь Александръ навсегда показалъ литовцамъ, что нельзя безнаказанно дѣлать набѣги на русскія земли. Но не совсѣмъ успокоились первые враги нашего отечества. Въ 1256 году шведы попытались было снова отнять у Новгорода Финское прибрежье и вмѣстѣ съ подвластною Емью стали строить крѣпость на р. Наровѣ. Но при одномъ слухѣ о приближеніи Александра съ суздальскими и новгородскими полками, удалились. Чтобы устранить шведовъ отъ всякихъ завоевательскихъ попытокъ и видовъ на Россію, Александръ совершилъ походъ въ шведскія владѣнія въ страну Еми (нынѣшнюю Финляндію), подвергнувъ ее опустошенію. Такъ по-бѣдоносно ограждалъ Александръ враговъ на западной границѣ, но совершенно иную политику долженъ былъ избрать по отношенію къ татарамъ, о чемъ скоро послѣдуетъ наша рѣчь. Теперь же остановимся на сказаніи современника—очевидца о многозначущемъ для русской церкви событіи, именно—о посольствѣ къ благовѣрному князю Александру отъ папы Иннокентія IV.

Какъ извѣстно, подчиненіе великой Россіи Риму было всегдашнимъ предметомъ свѣтлыхъ чаяній и властолюбивыхъ стремленій римскихъ папъ и фанатическихъ послѣдователей католическаго вѣроисповѣданія. Такъ и теперь, послѣ неоднократныхъ побѣдъ русскаго князя надъ шведами, нѣмцами и литовцами, римскій папа не оставилъ въ покоѣ вѣру нашего отечества: онъ противъ нея пере-

мѣнилъ только оружіе, употребивъ послѣднее хитро-разсчитанное средство—уловить князя Александра въ свои сѣти коварствомъ и льстивыми обѣщаніями. Еще разъ такимъ образомъ пришлось благовѣрному нашему князю, непобѣдимому на полѣ брани герою и мужественному защитнику русской народности, взяться за новое оружіе для отраженія хитрыхъ замысловъ папы и явить себя безпримѣрнымъ защитникомъ дорогого всѣмъ намъ православія. Такъ, въ 1248 году могущественный тогда папа Иннокентій IV протянулъ братскую руку бѣдственной Россіи, разсыпался въ похвалахъ Александру, бывшему въ это время княземъ Кіевскимъ, предложилъ ему свою помощь противъ татаръ-монголовъ, обѣщалъ тишину и славу, если только князь и народъ вступитъ подъ сѣнь ихъ церкви. Чего, казалось бы, лучше нужно было тогда Россіи? Не пріятно ли было для нея освободиться отъ несноснаго ига татарскаго? Но не такъ думалъ боголюбивый князь и съ нимъ православный русскій народъ. Вѣра, думали они, должна быть для православнаго человѣка дороже всего на свѣтѣ, дороже свободы, дороже жизни. «Однажды, — такъ повѣствуетъ современникъ — очевидецъ, — папа прислалъ къ великому князю Александру пословъ изъ великаго Рима. Послы, вручивъ ему папское посланіе, говорили князю: «такъ говоритъ папа: мы слышали о тебѣ, что ты славный и дивный князь, и земля твоя велика. Поэтому мы послали къ тебѣ изъ числа 12-ти кардиналовъ двухъ мудрѣйшихъ—Галда и Гемонта, чтобы ты послушалъ ученія нашего». Посовѣтовавшись съ своими мудрецами, в. князь Александръ Ярославичъ, громко воскликнувъ, сказалъ имъ въ отвѣтъ: «отъ Адама до потопа, отъ потопа до раздѣленія народовъ, отъ раздѣленія народовъ до Авраама, отъ Авраама до прошествія

израильтянъ чрезъ Чермное море, отъ исхода сыновъ израилевыхъ до кончины царя Давида, отъ начала царства Соломона до царя Августа, отъ начала правленія Августа до Рождества Христова, до Его страданій и воскресенія, отъ воскресенія до вознесенія на небо, до воцаренія Константина великаго и до перваго собора и до седьмого — все мы хорошо знаемъ, а вашего ученія не примемъ». (Соф. 1, 268; Твер. 398). Послы возвратились во свояси. Такъ отвѣчалъ благовѣрный Александръ на льстивое предложеніе римскаго папы, такъ глубоко преданъ былъ онъ вѣрѣ отцевъ, вѣрѣ православной! Глубоко знаменательный отвѣтъ Александра папству по истинѣ долженъ былъ послужить на всѣ будущія времена образцомъ при дальнѣйшихъ попыткахъ Рима къ подчиненію русской церкви. Такимъ явился онъ непобѣдимымъ исповѣдникомъ христіанства противъ латинянъ, доблестнымъ защитникомъ и поборникомъ вѣры, и этимъ, разумѣется, украсилъ свое имя новою славою въ потомствѣ.

Десять лѣтъ доблестный мужъ Александръ княжилъ въ Новгородѣ, — до самой кончины в. князя Ярослава Всеволодовича, послѣдовавшей 30 сентября 1246 года въ далекой Монголіи. Оставшійся старшимъ въ родѣ братъ покойнаго--Святославъ Всеволодовичъ занялъ владимірскій великокняжескій престолъ и роздалъ удѣлы своимъ племянникамъ. Но такое наслѣдство великокняжескаго престола не обошлось безъ споровъ и волненій. Только св. Александръ, всегда дѣйствовавшій достойно своей святой душѣ, былъ доволенъ раздѣломъ земель, произведеннымъ его дядею, — только онъ былъ чуждъ честолюбивыхъ притязаній, преимуществъ, почестей, которыя пріобрѣтались другими позорною цѣной всевозможныхъ заискиваній и униженій въ Ордѣ. Таковыми въ

послѣднемъ смыслѣ были какъ Святославъ Всеволодовичъ, такъ и младшій братъ Александра—Андрей, тотчасъ по погребеніи Ярослава поспѣшившіе въ Орду, чтобы противопоставить заслугамъ новгородскаго князя рѣшеніе хана. Святой же князь Александръ былъ доволенъ тѣмъ, что ему достались въ удѣлъ Новгородъ съ Переяславлемъ Залѣсскимъ, но онъ тоже долженъ былъ скоро ѣхать въ Орду, вынужденный къ тому поведеніемъ своего брата, недостойнымъ путемъ домогавшагося получить великокняжескій престолъ. Подкрѣпивъ себя молитвою, принявъ благословеніе епископа Кирилла, простившись съ своей семьей и народомъ, Александръ отправился туда для представленія къ Батыю. Съ честью былъ принятъ онъ Батыемъ. Для рѣшенія же спорнаго дѣла о правѣ на великокняжескій престолъ, Александру и Андрею Ярославичамъ, по волѣ хана, съ береговъ Волги пришлось совершить далекое путешествіе въ Монголію — къ великому хану Менгу. Два года употребили они на эту поѣздку и возвратились въ 1250 г. съ ярлыками на княженіе. Андрей хотя и младшій братъ, получилъ, по волѣ великаго хана, первый по назначенію Владимірскій столъ, Александръ же—Кіевъ и Новгородъ. Однако благовѣрный князь не поѣхалъ въ Кіевъ, потерявшій всякое значеніе послѣ татарскаго разоренія, а поселился въ Новгородѣ, ожидая поворота событій въ свою пользу, въ чемъ, какъ увидимъ, помогъ ему самъ Андрей своими неразумными честолюбивыми замыслами. Явившійся въ Новгородъ въ 1250 году, народный любимецъ—герой Александръ съ честью и великою радостію былъ встрѣченъ новгородцами. Здѣсь же въ слѣдующемъ году в. князь со всею любовію принималъ двухъ святителей: митрополита Кирилла и другого Кирилла, Ростовскаго епископа, посвятившихъ для Нов-

города архіепископа Далмата. Спустя немного послѣ этого, Александръ тяжко заболѣлъ, такъ что многіе опасались за его жизнь. Всѣ съ тревожнымъ участіемъ слѣдили за ходомъ болѣзни: храмы съ утра до вечера наполнены были людьми всѣхъ сословій, горячо молившихся о выздоровленіи князя. И Господь услышалъ молитвы народныя: «и продлилъ Богъ, говоритъ лѣтописецъ, дни жизни великому князю Александру, потому что онъ любилъ чинъ церковный: священниковъ, митрополитовъ и епископовъ чтилъ, какъ Самаго Христа, и любилъ всѣхъ христіанъ» (Соф. 1, 268). Тотчасъ по выздоровленіи, неутомимый труженикъ поспѣшилъ снова приняться за государственныя дѣла.

Недолго пришлось честолюбивому Андрею питать ложную надожду о своей славѣ, или иначе, самообольщаться несбыточною мечтою освободить русскую землю отъ татарскаго ига. Коварные замыслы его скоро стали извѣстны хану. Его дядя — Святославъ Всеволодовичъ счелъ нужнымъ пожаловаться хану Сартаку, сыну престарѣлаго Батыя, и донести ему, что Андрей не совсѣмъ покорный князь. Разгнѣванный этимъ доносомъ, Сартакъ въ 1252 году приказалъ двинуть противъ Андрея татарскія полчища подъ начальствомъ Ордынскаго царевича Неврюя. Легкомысленный Андрей, подъ вліяніемъ своихъ «малоумныхъ совѣтниковъ», рѣшился сразиться съ татарами, но, какъ и надобно было ожидать, потерпѣлъ пораженіе и едва убѣжалъ сначала въ Колывань къ нѣмцамъ, а потомъ къ шведамъ, у которыхъ нашелъ себѣ покровительство. Во время — Неврюева нашествія, Александръ находился въ Ордѣ и отъ того же Сартака, управлявшаго Ордою за дряхлостію отца, получилъ ярлыкъ на великое княженіе Владимірское. По возвращеніи изъ Орды, давно желаннаго гостя во Владимірѣ приняли съ великою ра-

достію и торжествомъ. Не только владимірцы, но и жители другихъ городовъ сошлись для торжественной встрѣчи великаго князя, потому что «бысть радость велика во Владимірѣ и во всей земли Суздальской» (Лавр. л. 202). Митрополитъ Кириллъ со всѣмъ духовенствомъ и народомъ, съ иконами и хоругвями вышли и встрѣтили князя за золотыми воротами. Отъ золотыхъ воротъ шествіе направилось въ кремль, въ соборный храмъ Богородицы, гдѣ, послѣ посаженія на царевъ престолъ, горячо съ своимъ народомъ молился Александръ Ярославичъ о дарованіи Божіей помощи и силъ на новые и болѣе трудные подвиги, чтобы Всевышній на дѣла его ниспославъ Свое благословеніе. И народъ не обманулся въ своихъ надеждахъ, возлагаемыхъ на новаго князя владимірскаго. Первой заботой его было—загладить слѣды Неврюева погрома. И дѣйствительно, «скоро воцарилось, замѣчаетъ историкъ Карамзинъ, спокойствіе въ великомъ княженіи; люди, испуганные нашествіемъ Неврюя, возвратились въ домы, земледѣльцы къ плугу и священники къ алтарямъ» (Карамз. Ист. Госуд. Рос. т. IV. 71): всюду чувствовалась могучая рука державнаго хозяина.

Десять лѣтъ княженія въ Новгородѣ и шесть лѣтъ на великокняжескомъ престолѣ въ Кіевѣ — всѣ эти годы достаточно подготовили благовѣрнаго князя Александра къ тѣмъ труднымъ подвигамъ, которые его ожидали во Владимірѣ. Онъ «сѣвъ во Владимірѣ» и ставъ такимъ образомъ полновластнымъ великимъ княземъ всей Россіи, являлся хотя такимъ же оборонителемъ русской земли отъ татаръ, какъ ранѣе отъ шведовъ и нѣмцевъ, но дѣйствовалъ инымъ путемъ, примѣняясь къ обстоятельствамъ, а именно, съ одной стороны сдерживалъ безполезныя возстанія своихъ подданныхъ противъ татаръ, съ

другой — старался внѣшнею покорностью предъ ханомъ доставить всевозможныя льготы русской землѣ. Мудрый Александръ ясно понималъ, что сопротивляться великой Ордѣ было еще не время, что лучшее спасеніе отъ «Божьяго бича», монгольскаго владычества, такъ сильно сказавшагося на сердцѣ и на хребтѣ русскаго народа,— заключается въ благоразумной уступчивости. Вотъ почему, какъ увидимъ, не съ мечемъ въ рукахъ, какъ доблестный воинъ, онъ долженъ былъ отражать монголовъ—татаръ, а съ подавленнымъ сердцемъ смиренно склонять свою умную-геройскую голову предъ ханами, во всемъ показывать имъ внѣшнюю покорность, умилостивлять ихъ русскимъ золотомъ и серебромъ и т. д. Благодаря такой благоразумной политикѣ и умѣнью ладить съ татарами, дальновидный Александръ, какъ бы нарочно избранный провидѣніемъ Божіимъ и на которомъ особенная благодать Божія почивала, могъ спасти русскую землю отъ полнаго ея разоренія. Тогда, конечно, можно будетъ легко убѣдиться въ справедливости сказаннаго, когда хотя кратко мы прослѣдимъ исторію нѣкоторыхъ путешествій святаго князя въ Орду, имѣвшихъ весьма благодѣтельное значеніе и для русской церкви, и для всего нашего дорогого отечества.

Болѣе дѣсяти лѣтъ минуло со времени грознаго нашествія могущественныхъ поработителей нашей страны—монголовъ, а Россія продолжала еще испытывать всѣ бѣдствія, подобно тѣмъ, какія вынесла Римская Имперія, когда сѣверные дикіе народы громили ея цвѣтущія области. Груды развалинъ вмѣсто городовъ и селъ, трупы множества непогребенныхъ людей, пустыя или сорною травою заросшія поля, полное безлюдье,—вотъ какую грустную картину представляла тогда бѣдная Россія, особенно послѣ нашествія Батыя. Среди этихъ ужасовъ гибели и разоренія, одинъ великій Нов-

городъ, по плану Провидѣнія Божія, остался нетронутымъ. И не только Богъ сохранилъ отъ руки варваровъ эту небольшую часть русской земли на сѣверѣ, но и—будущихъ вѣнценосныхъ собирателей и строителей русскаго государства. Именно Господь сохранилъ для многострадательной православной Россіи благочестивый корень правовѣрнаго князя Ярослава Всеволодовича съ пречестною отраслью въ лицѣ доблестнаго сына его Александра. Еще за долго до послѣдовавшей въ Ордѣ насильственной смерти его отца, слава о доблестяхъ героя невскаго гремѣла повсюду, и народъ русскій не даромъ утѣшался, что съ юнымъ княземъ новгородскимъ взошло «красное солнышко земли русской». Не смотря однако на это, и благовѣрному Александру Ярославичу на всѣхъ мѣстахъ княженія пришлось, по примѣру благочестиваго отца его, во все время монгольскаго ига собиравшаго бѣдный народъ «во едино», а также наравнѣ съ другими князьями, для блага и спасенія родины, испить горькую чашу униженій отъ свирѣпыхъ завоевателей. Достаточно сказать, что онъ на своемъ недолгомъ вѣку пять разъ путешествовалъ въ золотую Орду, съ ходатайствомъ о возможномъ облегченіи ненавистнаго русскому народу ига, въ случаѣ же неудачи готовый, по заповѣди Христа Спасителя, *положить душу свою за други своя*, — за дорогое свое отечество. Едва ли мы можемъ представить себѣ, сколько тяжкихъ трудовъ стоили св. князю тогдашнія, продолжавшіяся иногда по цѣлымъ годамъ, путешествія въ Орду. Цѣлыя тысячи верстъ нужно было переѣзжать то по болотамъ непроходимымъ, то по странамъ татарами разоренным, то по степямъ, дикими кочевниками населеннымъ, или же сыпучими песками покрытымъ... А униженіе предъ гордыми ханами, подарки и поклоны предъ ханскими

вельможами, — эти происки и клеветы отъ своихъ же братьевъ—русскихъ князей, сколько скорбей и тревогъ, сколько думъ и заботъ ложилось на святаго князя тяжкимъ бременемъ! И каждый разъ, прощаясь съ родной землей, съ родной семьей, онъ, конечно, прощался съ ними на всегда, предавая и себя и ихъ въ руки Божіи. Надобно было бороться со страхомъ смерти при приближеніи къ ханской ставкѣ, такъ какъ живо было въ его памяти, что путешествовавшіе князья должны были тутъ или измѣнять своей вѣрѣ, или терпѣть мученія и лишаться жизни, какъ въ послѣднемъ случаѣ и было съ княземъ Черниговскимъ Михаиломъ и боярином его Θеодоромъ за «не поклоненіе кусту» (Илов. ист. Россіи, ч. II).. Но *любовь долготерпитъ* (1 Кор. XIII. 4), такъ и мужественный Александръ Ярославичъ, при самоотверженной любви къ своему народу, презираетъ самый страхъ смерти и истинно — христіанскою твердостью духа искупаетъ и вѣру православную и Русь святую отъ всюду грозившихъ имъ бѣдъ.

Первое путешествіе благовѣрнаго князя Александра къ Батыю, въ бытность его удѣльнымъ княземъ новгородскимъ, описывается въ лѣтописи современника — очевидца такъ: Въ то время сильный царь восточный стороны прислалъ своихъ пословъ къ Александру съ такимъ приказомъ «Мнѣ покорилъ Богъ многіе народы: ты ли одинъ не хочешь покориться державѣ моей? Если хочешь сохранить за собою свою землю, прійди ко мнѣ: увидишь честь и славу царства моего» (Соф. 1, 266). И доблестный князь, краса и утѣшеніе своей земли, спѣшитъ исполнить волю надменнаго варвара. Пріобщившись Св. Таинъ и получивъ вмѣстѣ съ благословеніемъ напутствіе Епископа Кирилла, въ случаѣ нужды, принять мученическій вѣнецъ, смѣло

отправился къ грозному хану. Громкая воинская слава предшествовала ему на пути и сдѣлала его грознымъ настолько, что его именемъ татарскія матери даже стращали дѣтей, говоря имъ: «молчи, великій князь Александръ ѣдетъ», когда было нужно чѣмъ утишить ихъ крики и слезы, или же остановить ихъ шалости. Вотъ показалась и ставка самаго хана. Татарскіе жрецы прежде всего потребовали отъ русскаго князя поклоненія солнцу и огню предъ представленіемъ къ хану Батыю. «Я— христіанинъ, безстрашно отвѣчалъ онъ татарскимъ властямъ, и мнѣ не подабаетъ кланяться твари, а я кланяюсь Творцу всего».—«Смерть ему!»—завопили жрецы и уже готовились къ звѣрскому убійству. Приближенные о поступкѣ Александра донесли хану. Послѣ нѣкотораго напряженнаго ожиданія явились, наконецъ, ханскіе слуги и объявили приказъ Батыя — не принуждать князя къ исполненію обрядовъ... Вступивъ въ ставку ханскую и поклонившись самодовольному хану, величественный князь мужественно произнесъ: «тебѣ поклоняюсь, царь, потому что почтилъ тебя царствомъ Самъ Богъ, твари же не стану кланяться, потому что она создана для человѣка. Я служу единому Богу, Его чту и Ему поклоняюсь». Достаточно налюбовавшись невскимъ героемъ и похваливъ его мужество, Батый произнесъ: «правду говорили мнѣ, что нѣтъ подобнаго ему князя» (Соф. 1, 20). Съ честью и дарами отпустилъ Батый князя Александра, освободивъ на первый разъ русское духовенство отъ податей.

Второе и третье путешествія въ Орду, о которыхъ попутно касались мы выше, благовѣрный князь Александръ предпринималъ то для умилостивленія возгоравшагося на Россію гнѣва кровожадныхъ хановъ, то для рѣшенія спорнаго дѣла удѣльныхъ князей о правѣ на великокня-

жескій престолъ,—вотъ почему то и другое путешествіе не принесло особенныхъ благодѣтельныхъ послѣдствій для нашего отечества. Напротивъ, четвертое путешествіе неутомимаго труженника и печальника земли русской въ 1257 году имѣло особенно важное и всеобщее для Россіи значеніе. Еще наканунѣ этого года явился въ нашу страну отъ хана Берки (занявшаго послѣ Сартака мѣсто великаго хана и былъ братъ Батыя) вліятельный сановникъ Улавчій объявить распоряженіе хана о дани. Александръ послалъ ему дары и самъ ѣздилъ къ нему въ Нижній-Новгородъ, чтобы лично переговорить о предстоявшихъ Россіи налогахъ и народной переписи. Въ самый же 1257 годъ великій князь изъ стольнаго Владиміра совершилъ, съ Божіею помощію, далекое путешествіе въ Орду съ тою важною цѣлію, чтобы переговорить съ самимъ великимъ ханомъ объ окончательномъ опредѣленіи отношенія Россіи къ татарамъ. Много пришлось здѣсь великому благодѣтелю Александру порадѣть о благѣ родной земли! Много нужно было здѣсь показать ему и мудрости и силы воли, чтобы оградить русскую землю, не имѣвшую силъ защищаться, сохранить вѣру православную въ ея цѣлости и неприкосновенности, устранить вмѣшательство Орды во внутреннее управленіе нашей страны, и чрезъ то дать Россіи возможность собраться съ силами къ сверженію съ себя татарскаго ига! По истинѣ «отъ соображеній и умѣнья дальновиднаго Александра вести дѣла съ татарами почти рѣшительно зависѣла будущая судьба Россіи» (Бѣляевъ, в. кн. Ал. Яр. Невскій). По окончаніи всѣхъ переговоровъ и по возвращеніи в. князя въ отечество, зимою 1257 года прибыли численники и изочли «всю землю суздальскую и рязанскую и муромскую и поставиша десятники, и сотники, и тысящники, и темники и отъидоша въ Орду

(Лавр. 203), чтобы донести хану объ успѣшномъ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія. Не замедлилъ и Александръ туда же отправиться съ русскими князьями затѣмъ, чтобы, во-первыхъ, засвидѣтельствовать предъ ханомъ о добросовѣстномъ исполненіи русскимъ народомъ возложенныхъ на него повинностей и во-вторыхъ, отблагодарить Улавчія и другихъ вельможъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло. Принявши русскихъ князей очень милостиво, ханъ, при прощаньи съ ними, рѣшительно выразилъ свою волю, чтобы въ числѣ подвластныхъ ему земель находился и великій Новгородъ, въ которомъ, какъ и слѣдовало ожидать, не обошлось дѣло безъ мятежа. Какъ только разнеслись слухи среди новгородцевъ о намѣреніи татаръ произвести у нихъ такую же перепись для обложенія жителей поголовною данью, какая была произведена татарскими численниками въ земляхъ суздальской, муромской и рязанской.—начались по обычаю волненія, бурныя вѣча, на которыхъ много и горячо говорилось въ защиту независимости в. новгорода и противъ позорнаго ига — платить Ордѣ дань. Такъ, при одномъ извѣстіи о народной переписи, необузданные и своевольные новгородцы цѣлое лѣто бунтовали и доходили даже до убійствъ. Даже самъ князь, сынъ Александра, Василій, по неопытности увлекшись внушеніями мятежниковъ, былъ на сторонѣ новгородцевъ, не хотѣвшихъ платить тамги и десятины. За это Александръ отправилъ сына своего Василія въ суздальскую землю, а совѣтниковъ, подговаривавшихъ молодого князя къ сопротивленію татарамъ, на страхъ другимъ, подвергъ жестокому наказанію. На мѣсто же Василія онъ поставилъ княжить другого сына своего Димитрія. Только черезъ годъ—въ 1259 году, благодаря посредничеству и сильному вліянію мудраго политика Александра, новгородцы

опомнились и заявили разгнѣванному на нихъ князю, что они согласны допустить перепись. Молча, но со злобой въ душѣ, смотрѣли граждане Новгорода, какъ «начаша окаяннiи ѣздить по улицамъ, пишуще домы христiанскiе». Спокойно окончивъ исчисленiе Новгорода, татарскiе численники удалились (Соф. 1, 271, Новг. л. 1, 57), предоставивъ новгородцамъ права вносить подати или прямо хану или чрезъ в. князя. Безпокойные новгородцы, сначала сильно страдавшiе при мысли, что они сдѣлались рабами татаръ, постепенно потомъ убѣдились, что ихъ прежнiй князь своею мудростiю еще разъ спасъ ихъ отъ пропасти, въ которую по неразумѣнiю они стремились, за что всѣ спѣшили выразить чувство благодарности и неизмѣнной преданности своему великодушному заступнику. Какими же успѣхами и благодѣтельными послѣдствiями увѣнчались четырехлѣтнiе труды Александра въ переговорахъ съ ханами и ихъ сановниками, — это прекрасно изображается русскимъ историкомъ Бѣляевымъ: «Россiя, говоритъ этотъ историкъ, при опредѣленiи своихъ отношенiй къ монгольскимъ ханамъ, во-1-хъ, сохранила власть своихъ князей, которые сдѣлались такимъ образомъ посредниками между государствомъ и ханами; во-2-хъ, ей оставлены были ея родные законы и собственный судъ во всѣхъ дѣлахъ, что въ особенности способствовало къ сохраненiю русской жизни и русскаго характера; въ 3-хъ, ей предоставлена была неприкосновенность нетолько религiозныхъ вѣрованiй, но даже и церковнаго устройства, что преимущественно питало чувство народной самостоятельности и привязанности къ своему родному; и въ 4-хъ, наконецъ, Россiя, по опредѣленiю своихъ отношенiй къ ханамъ, удержала за собою, какъ государство самостоятельное, право войны и мира безъ посредства хановъ и ихъ сановниковъ. Та-

кимъ образомъ, Александръ только однимъ умѣньемъ вести переговоры, благоразумною настойчивостью и выжиданіемъ времени достигъ того, что Россія, совершенно покоренная монголами и рѣшительно не имѣвшая силъ имъ противиться, получила отъ своихъ могущественныхъ повелителей, не поднимая оружія, права державы почти самостоятельной. Очевидно, подати, поборы и разныя повинности, наложенныя на русскихъ монголами, были очень тяжелы, и народъ много долженъ былъ терпѣть отъ посланцевъ хана, особенно вначалѣ; но эта тяжесть была временна и, что важнѣе, за Россіею осталась ея народность, эта душа и жизнь государства. Конечно, современники, можетъ быть, не замѣчали этого, но мудрый ратоборецъ за русскую землю зналъ, чего добивался, и посему вполнѣ заслуживаетъ благоговѣніе и благодарность потомства, которое, уже зная послѣдствія Александровыхъ заботъ, можетъ съ большею правдивостью оцѣнить его труды» (Бѣляевъ, в. кн. Ал. Невскій, 28 — 29).— По окончаніи тяжкихъ хлопотъ въ Ордѣ, требовавшихъ страшнаго напряженія силъ, весною 1259 года чрезвычайно утомленный Александръ спѣшилъ изъ Новгорода въ Ростовъ, куда онъ и пріѣхалъ въ среду страстной недѣли. Здѣсь онъ, съ неописуемою радостью встрѣченный семьей, родственниками и народомъ, во главѣ глубокоуважаемаго всѣми престарѣлаго епископа Кирилла, прежде всего отправился съ соборную церковь Успенія Пресв. Богородицы, гдѣ благоговѣйно поклонился онъ мощамъ святаго Леонтія и горячо просилъ священномученика научить и его до конца понести свой крестъ и «пострадать Богови крѣпко» (Ист. Русск. церкви, преосв. Макарія, т. II). Пріятно отдохнувъ въ Ростовѣ, благочестивый князь отправился во Владиміръ, гдѣ въ 1261 году Богъ обрадовалъ его рожденіемъ чет-

вертаго сына Даніила, будущаго князя Московскаго и родоначальника князей—собирателей русской земли (Лавр. л. 203). Благочестивые родители, въ чувствѣ благодарности, посвятили свое дитя Богу, и Богъ прославилъ и поставилъ его во главѣ святыхъ Своихъ — Московскихъ чудотворцевъ.

Послѣдующіе два года были временемъ отдыха, который, послѣ почти безпрерывныхъ трудовъ, даровалъ Господь святому князю. «Христіаномъ бысть тишина велика» свидѣтельствуютъ лѣтописцы о 1260—61 годахъ (Соф. 1, 271; Новг. 1, 57). Въ этотъ краткій промежутокъ времени, неутомимый труженикъ земли русской не столько думалъ о благоустроеніи своей семьи и родныхъ, тѣмъ менѣе заботился о личномъ своемъ благоденствіи, сколько, по безконечной добротѣ сердца своего, заботился о тѣхъ несчастныхъ, которые были въ плѣну у безбожныхъ татаръ. Много и купцовъ русскихъ проживало въ Ордѣ, но несравненно больше было здѣсь плѣнныхъ христіанъ, живши безъ освященія таинствами и умиравшихъ безъ христіанскаго напутствія. Давно и глубоко скорбѣла о нихъ любвеобильная душа благочестиваго князя. Наконецъ, въ 1261 году, вмѣстѣ съ митрополитомъ Кирилломъ, великій князь всея Россіи успѣлъ исходатайствовать предъ ханомъ о дозволеніи устроить епархію на берегахъ Волги, въ самой ханской столицѣ — Сараѣ, гдѣ поставленъ былъ первымъ епископомъ Митрофанъ. Безконечно радовались и утѣшались этимъ великимъ благодѣяніемъ не только несчастные плѣнные, но и русскіе князья съ торговыми людьми, вынужденными пребывать тамъ иногда слишкомъ долгое время.—Что касается другихъ благодѣяній и подвиговъ христіанскаго человѣколюбія, оказанныхъ добродѣтельнымъ Александромъ всей русской странѣ во все время и на

всѣхъ мѣстахъ его Богомъ благословеннаго княженія, то, не перечисляя всѣхъ, вспомнимъ лишь о томъ, какъ онъ усердно уничтожалъ слѣды татарскаго погрома. Въ разоренной тогда монголами Россіи было много людей бродячихъ, оставившихъ свои домы, много осиротѣлыхъ семействъ, много уведенныхъ въ плѣнъ въ Орду, много разоренныхъ храмовъ. И онъ являлся всѣмъ для всѣхъ, всѣхъ обнималъ своею любовью и попеченіемъ. «Сиротамъ и вдовицамъ, говоритъ лѣтописецъ, былъ заступникомъ и безпомощныхъ помощникомъ, не изыде бо изъ дому его никто же тощь» (прол. подъ 23 ноября). Этого мало. Распуганныхъ людей успокоивалъ, бѣжавшихъ въ лѣса собиралъ въ домы, храмы полуразрушенные возобновлялъ, города укрѣплялъ, плѣнныхъ выкупалъ, больныхъ безмездно врачевалъ, нищихъ питалъ и т. д. Но доблестному Александру предстоялъ еще одинъ подвигъ любви къ отечеству и уже послѣдній, среди котораго печальникъ родной земли долженъ былъ, по суду промысла Божія, окончить свою плодотворную—драгоцѣнную для Россіи жизнь.

Въ началѣ 1262 года ханъ своихъ сборщиковъ податей рѣшился замѣнить откупщиками—Хивинцами, предложившими ему свои услуги. Эти откупщики—хивинцы, называемые въ русскихъ лѣтописяхъ «бесерменами», при сборѣ податей обращались съ народомъ крайне жестоко, безъ всякаго милосердія отнимали у него послѣднія средства; въ случаѣ же несостоятельности кого либо, они отнимали скотъ и все имущество, забирали сыновей, дочерей, женъ или самаго главу семейства и уводили въ рабство, распродавая въ разныя стороны съ огромной для себя выгодой (Соф. 1, 271). Кромѣ того, дерзость ихъ доходила даже до того, что они ругались надъ святынею и священствомъ. Давно затаенная глубокая ненависть народа къ притѣсни-

телямъ наконецъ бурно вырвалась наружу. Точно сговорившись, жители Владиміра, Суздаля и Ростова, по звуку вѣчевыхъ колоколовъ, шумно возстали на своихъ порабо-тителей и, не думая о послѣдствіяхъ, всѣхъ ихъ перебили. Страшное азіатское полчище поднялось изъ Орды, чтобы съ огнемъ и мечемъ пройти всю землю русскую. Тогда великій заступникъ земли русской, поручивъ всѣ государственныя дѣла своему сыну Димитрію, поспѣшилъ въ Орду къ хану, чтобы отмолить людей отъ бѣды. «Это путешествіе, — такъ говоритъ историкъ, — было однимъ изъ величайшихъ подвиговъ самоотверженія со стороны Александра... Лѣтописи не говорятъ о подробностяхъ этого путешествія, но дѣло говоритъ само за себя; объ этомъ подвигѣ Александра нельзя вспоминать безъ благоговѣнія къ высокому характеру подвигоположника. Ясно, что Александръ, рѣшаясь отправиться въ Орду, совершенно забывалъ о себѣ и думалъ только о любезной ему Россіи и о священномъ долгѣ Государя, защитника подданныхъ,—онъ шелъ какъ добровольно обреченная искупительная жертва за русскую землю (Бѣляевъ,В.Кн.А.Яр.Невскій 38)».Предъ своимъ отправленіемъ въ Орду, Александръ Ярославичъ, послѣ горячихъ молитвъ и трогательнаго прощанія съ родными, обратился къ своей дружинѣ съ такими многознаменательными словами: «служите сынови моему, акы самому мнѣ, всѣмъ животомъ своимъ». Путешествіе его продолжалось слишкомъ годъ, переговоры шли медленно; большихъ трудовъ стоило уговорить разгнѣванныя татарскія власти, перемѣнить гнѣвъ хана на милость, но успѣхъ въ этомъ дѣлѣ превзошелъ ожиданія. Онъ не только успѣлъ отвратить татарскій погромъ, но и выхлопоталъ у хана освобожденіе русской земли отъ повинности выставить военные отряды для похода противъ Персіи, гдѣ русскіе

должны были бы проливать кровь свою за язычниковъ. Такъ Господь видимо благословлялъ усилія самоотверженнаго героя. Съ радостною вѣстью осенью 1263 года возвращался онъ изъ Орды, но тяжкіе труды и душевныя муки, испытанныя имъ въ теченіи всей жизни, совсѣмъ надломили его крѣпкое отъ природы здоровье. По пріѣздѣ въ Нижній, Александръ такъ ослабѣлъ силами, что долженъ былъ остановиться здѣсь для отдыха. Немного оправившись, онъ снова продолжалъ путь ко Владиміру, но, доѣхавъ до Городца (Волжскаго), тяжко занемогъ... Стояла глубокая осень: суровая погода только ускоряла конецъ его многотрудной жизни, — и вотъ страдалецъ за землю русскую сталъ готовиться къ переходу въ вѣчность. Чувствуя приближеніе смерти, князь, по влеченію сердца своего, во всю жизнь стремившагося къ Богу, принялъ схиму и постриженіе въ иночество съ именемъ Алексія. Когда совершился обрядъ постриженія, Алексій, преискренне пріобщившись Св. Христовыхъ Таинъ и трогательно простившись съ своими родными, братьями и всѣми приближенными, 14 ноября 1263 года во всей красѣ мужества, 43-хъ лѣтъ отъ роду, тихо предалъ свою чистую душу въ руки Божіи. Такъ блаженный Александръ, труженикъ и печальникъ всей земли русской, ходатайствовалъ за многострадательныхъ нашихъ предковъ много разъ — до тѣмъ поръ, пока совсѣмъ не истощились тѣлесныя силы его на пути, пока, достигши земного отечества, не отошелъ, облекшись въ схиму, въ отечество небесное,—къ сонму святыхъ Божіихъ, чтобы, предстоя предъ самымъ престоломъ Всевышняго, *владѣющаго царствами человѣческими* (Дан. IV, 14), быть всегдашнимъ покровителемъ и хранителемъ цѣною жизни спасенной имъ Россіи!.. Вотъ истинно великій образецъ вѣры въ Бога

глубокой и любви къ ближнимъ чистѣйшей—благоплодной! «Дай Богъ, чтобы примѣръ святой его жизни находилъ какъ можно болѣе вѣрныхъ подражателей, и нынѣшніе сыны Россіи всегда также достойны были благоволенія Божія, покровительства и помощи своего заступника—св. благовѣрнаго князя Александра и всѣхъ святыхъ, какъ въ дни своей жизни достоинъ былъ онъ — герой Невскій!» (Христ. Чт. 1852 г., II).

Во Владимірѣ не знали еще о блаженной кончинѣ благовѣрнаго князя. Тамъ митрополитъ Кириллъ вмѣстѣ съ своею паствой продолжали возносить теплыя молитвы Богу, молились о благополучномъ возвращеніи в. князя, котораго всѣ такъ долго и съ нетерпѣніемъ ждали. Устремляя свои взоры горѣ, какъ бы къ самому престолу Всевышняго, святитель внезапно былъ пораженъ необычайнымъ видѣніемъ: предъ нимъ, какъ живой, но озаренный неземнымъ сіяніемъ, в. князь Александръ... Тихо, какъ бы возносясь на крыльяхъ ангельскихъ, удалялся вверхъ, скрылось отъ очей святителя «подобіе образа блаженнаго в. князя Александра». Митрополитъ понялъ, что доблестнаго защитника отечества не стало, и слезы закапали изъ главъ старца. «Чада мая милая, знайте, что зашло солнце земли русской». Народъ сначала не понялъ словъ святителя. Тогда святитель снова сказалъ: «благовѣрный в. князь Александръ нынѣ преставился». (Соф. Вр. 373). Слезы и рыданія народа прервали рѣчь святителя, всѣ поняли горькій смыслъ словъ его и въ одинъ голосъ закричали: «мы погибаемъ»! Въ этихъ двухъ словахъ вылилась вся сердечная скорбь искони царелюбиваго русскаго народа о великой потерѣ для Россіи въ лицѣ наилучшаго защитника и печальника о ней. Во время обратнаго шествія во Владиміръ и отпѣванія тѣла, рыданія народныя были настолько

велики, что заглушали даже пѣніе погребальное; самое пѣніе прерывалось отъ собственныхъ слезъ пѣвцовъ. «И бысть, говоритъ лѣтописецъ, плачъ великій, и кричаніе и туга, яко же нѣсть такова бывала, токмо и земли трястися» (Соф. 1, 373). Но Господь утѣшилъ осиротѣвшій народъ, скоро явилъ заслуженную небесную славу святаго угодника, и тѣмъ показалъ ему, что защитникъ родной земли живъ предъ Нимъ. Когда митрополитъ Кириллъ, по окончаніи отпѣванія, подошелъ къ усопшему, чтобы вложить въ его руку разрѣшительную грамоту, тогда блаженный князь, какъ бы живой, изъ гроба простеръ руку и, принявъ ею грамоту, опять сложилъ крестообразно руки свои. Это было первое знаменіе небесной славы, которую стяжалъ св. угодникъ Божій у престола Всевышняго. Совершилось это 23 ноября, почему наша православная Церковь въ этотъ день воспоминаетъ славное преставленіе св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго.

Блаженная кончина Александра Ярославича Невскаго, такъ сердечно описанная современными ему лѣтописцами *), во всѣ времена вызывала многихъ благочестивыхъ жизнеописателей св. князя на глубокія и проникнутыя теплымъ чувствомъ размышленія. Остановимся для примѣра на одномъ изъ нихъ. «Такъ рановременно по суду человѣческому и благовременно по намѣреніямъ Промысла Божія, такъ свято предъ очами Божіими и человѣческими, кончилась жизнь св. Александра Невскаго!.. Кончилось видимое общеніе св. князя съ любившимъ его народомъ,

*) „Горе тебѣ, бѣдный человѣче“—такія, напримѣръ, вылились нѣкогда слова изъ горячо любящаго сердца Александрова современника. „Какъ опишешь ты кончину господина своего? Какъ не выпадутъ у тебя зѣницы вмѣстѣ съ слезами? Какъ отъ тоски не разорвется у тебя сердце? Человѣкъ можетъ оставить отца, а добраго господина нельзя оставить, съ нимъ бы и въ гробъ легъ, если бъ можно было!“

но вмѣстѣ съ нимъ началась безсмертная жизнь имени его въ благодарной памяти народной, передававшей изъ вѣка въ вѣкъ славу подвиговъ героя Невскаго. Кончилось предопредѣленное ему время подвиговъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ началось нескончаемое время его наградъ, которыхъ не замѣнила бы самая продолжительная жизнь со всѣми ея радостями... О, вѣдомы ли были блаженному духу твоему, отецъ отечества своего, спасшій его въ самую тяжкую годину отъ самаго тяжкаго горя,—вѣдомы ли были духу тѣ рыданія и слезы, съ какими народъ твой принялъ вѣсть о кончинѣ твоей, съ какимъ принялъ онъ драгоцѣнное сокровище—останки твои и предалъ ихъ землѣ? Не мало огорченій среди непрерывныхъ, тяжкихъ и въ высшей степени благородныхъ трудовъ испыталъ ты со стороны неразумныхъ чадъ твоихъ—твоего народа: теперь утѣшился бы духъ твой, если бы нуждался въ земныхъ утѣшеніяхъ: теперь увидѣлъ бы ты, какъ цѣнили тебя, какъ любили тебя, ангелъ-хранитель добраго народа русскаго!.. За тебя слава не только царства русскаго, но и святой церкви Христовой, радуемся мы, не столько припоминая ту честь, какую воздалъ тебѣ народъ твой, сколько съ благоговѣніемъ приникая къ славѣ, какую достойно воздалъ тебѣ Господь! Съ радостію припоминаемъ явныя знаменія прославленія твоего на небѣ... Въ славѣ твоего, просіявшаго нетлѣніемъ, тѣла, мы прозираемъ вѣчную славу твоего духа, блаженствующаго въ обителяхъ Отца небеснаго, и благословляемъ святѣйшее имя Господа, дарующаго вѣрнымъ рабамъ Своимъ вѣчную славу въ воздаяніе за ихъ труды... Благословляемъ и твое святѣйшее имя, благоговѣя предъ множествомъ твоихъ подвиговъ и трудовъ, а еще болѣе—предъ высотою и чистотою святой

души твоей, всегда бодрственной, всегда всецѣло Богу преданной, умѣвшей каждое изъ дѣлъ жизни возводить въ достоинство жертвы и служенія Богу» (Христ. Чт. 1852 г. II, 503—509. Степ. кн. 1,375 — похвала св. Александру).

То достойно вниманія, что блаж. Александръ, витязь Невскій, и послѣ преставленія не оставляетъ своей паствы, день и ночь о ней бдящій какъ живой, заступая ее отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Достойно вниманія и то, замѣчаетъ историкъ-жизнеописатель, что сей благовѣрный поборникъ земли русской, всю жизнь подвизавшійся для ея спасенія, дѣйствовалъ въ томъ же духѣ и за предѣлами гроба, проявляя небесный покровъ свой въ самыя тяжкія годины испытанія (Жит. св. Р. Ц. ноябрь 274). Не касаясь историческихъ подробностей о томъ, когда и въ чемъ въ разныя времена обнаруживалось это небесное посмертное покровительство блаж. Александра нашему многострадальному отечеству, прямо перейдемъ мы къ описанію обрѣтенія мощей небесною славою увѣнчаннаго угодника Божія. Прошло 117 лѣтъ послѣ блаженной его кончины. Во Владимірѣ, въ обители Рождества Пресв. Богородицы, въ тиши ночного уединенія, близъ гроба Александрова, съ 7 на 8 сентября 1380 года, благочестивый инокъ пламенно молился Богу, прося заступничества св. благовѣрнаго князя въ тяжелой борьбѣ съ ненавистными притѣснителями отечества. И вотъ видитъ: у гробницы его зажигаются свѣчи сами собой, къ ней подходятъ два свѣтозарныхъ старца и говорятъ: «Александре, востани и спаси правнука твоего Димитрія, одолѣваемаго иноплеменниками!» Св. Александръ всталъ и всѣ стали невидимы... Дивное видѣніе это происходило въ ту достопамятную ночь, когда Дмитрій Іоанновичъ готовъ былъ

на утро вступить въ бой съ полчищами Мамая. Инокъ повѣдалъ видѣніе святителю; святитель разсказалъ о немъ в. князю. Послѣ благополучнаго окончанія достопамятной Куликовской битвы, святитель съ освященнымъ соборомъ немедленно отправился въ Владиміръ, гдѣ съ молитвою приступили къ могилѣ Александра и раскопали ее. Тѣло блаженнаго князя послѣ 117 лѣтъ оказалось нетлѣннымъ. «Въ чувствѣ глубокаго умиленія и благоговѣнія предъ судьбами Всевышняго, прославляющаго угодниковъ Своихъ, митрополитъ положилъ тѣло святаго въ ракѣ поверхъ земли» (Соф. 1, 374). Исцѣленія съ этого времени потекли обильною струей: слѣпые получали зрѣніе, хромые укрѣплялись ногами, разслабленные возстановлялись силами. Минуло почти три съ половиной столѣтія послѣ открытія нетлѣнныхъ мощей св. князя Александра, настало наконецъ славное царствованіе Петра. Императоръ Петръ великій, овладѣвъ берегами Балтійскаго моря и создавъ Петроградъ, въ 1724 году перенесъ на Неву изъ Владиміра и священные останки великаго князя Александра Ярославича, какъ бы посвящая ему, витязю Невскому, свое дорогое дѣтище—свою новую столицу, желая тѣмъ утвердить ея знаменитую будущность и ввѣрить его небесному покровительству весь край сѣверной Россіи. За 14 лѣтъ ранѣе этого торжественнаго перенесенія честныхъ мощей, Императоръ Петръ I, заключившій миръ съ Швеціею послѣ продолжительной войны, въ 1710 году на берегахъ Невы основалъ славную нынѣ Александро-Невскую Лавру. По совѣщанію съ Святѣйшимъ Сунодомъ, Императоръ повелѣлъ заблаговременно устроить великолѣпную раку для святыхъ мощей. До Новгорода честныя мощи съ торжествомъ были несены на рукахъ, а отъ Новгорода были везены водою на богато-украшенной *ладьи*. Перенесеніе

мощей совершилось 30 августа 1724 года, въ день освященія храма Св. Троицы въ Невскомъ монастырѣ. Императоръ Петръ самъ встрѣтилъ мощи святаго князя у устья Ижоры и, поставивъ ихъ на свой знаменитый «ботикъ», съ своими вельможами везъ въ С.-Петербургъ, и по пріѣздѣ отъ нарочно устроенной пристани самъ съ сановниками понесъ драгоцѣнную святыню въ монастырь. Во вратахъ его архіепископъ Новгородскій Ѳеодосій съ членами Святѣйшаго Синода и освященнымъ соборомъ встрѣтилъ святыя мощи, которыя были благоговѣйно внесены во вновь устроенный храмъ во имя Александра Невскаго. Три дня ликовала и праздновала новая столица это прерадостнѣйшее событіе, и тогда же установлено было праздновать торжество перенесенія св. мощей ежегодно 30 го августа. Ближайшіе и дальнѣйшіе преемники Петра I были также достойными почитателями памяти великаго поборника отечества и вѣры православной. Императрица Екатерина I въ 1725 году учредила, согласно съ волею великаго своего супруга, кавалерскій орденъ св. Александра Невскаго,— одинъ изъ самыхъ высшихъ наградъ за заслуги отечеству. Императрица Елизавета Петровна соорудила св. покровителю столицы новую серебряную великолѣпную раку и учредила 30 августа ежегодно совершать крестный ходъ изъ Казанскаго собора въ Александро-Невскую Лавру. Императрица Екатерина II пожелала воздвигнуть въ Невской Лаврѣ новый, достойный хранящейся святыни, соборный храмъ во имя Св. Троицы. Въ 1760 году постройка зданія величественнаго собора была окончена 30 августа и, послѣ торжественнаго освященія его, сюда перенесены были святыя мощи Александра Ярославича Невскаго, гдѣ и до нынѣ онѣ почиваютъ. Святая ревность послѣдующихъ благочестивыхъ русскихъ самодержцевъ не ослабѣвала и

видимо выражалась въ частыхъ посѣщеніяхъ св. обители, а также въ драгоцѣнныхъ приношеніяхъ, особенно со стороны трехъ незабвенныхъ монарховъ русской земли, украшавшихся именемъ св. Александра Невскаго. Благо намъ, если мы чаще будемъ вспоминать свѣтлый образъ этихъ въ Бозѣ почившихъ благороднѣйшихъ нашей Россіи царей и непрестанно молиться Всевышнему объ упокоеніи ихъ безсмертнаго духа въ свѣтлыхъ обителяхъ Царя небеснаго вмѣстѣ съ тезоименитымъ благовѣрнымъ княземъ Александромъ Невскимъ.

Православная наша Церковь въ своихъ священныхъ пѣснопѣніяхъ ярко рисуетъ передъ нами свѣтозарный образъ благов. Александра Невскаго, изъ коихъ главныя мы и приведемъ въ заключеніе своего краткаго жизнеописанія.

Тропарь, гл. 4. Яко благочестиваго корене пречестная отрасль былъ еси, блаженне Александре, яви бо тя Христосъ, яко нѣкое божественное сокровище Россійской земли, новаго чудотворца, преславна и благопріятна: и днесь сошедшеся въ память твою вѣрою и любовію во псалмѣхъ и пѣніихъ радующеся славимъ Господа, давшаго тебѣ благодать исцѣленій: Егоже моли спасти градъ сей, и Державѣ сродникъ твоихъ Богоугоднѣй быти, и сыновомъ Россійскимъ спастися.

Кондакъ, гл. 8. Яко звѣзду тя пресвѣтлу почитаемъ, отъ востока возсіявшую и на западъ пришедшую: всю бо страну сію чудесы и добротою обогащаеми, и просвѣщаеми вѣрою чтущія память твою, Александре блаженне: сего ради днесь празднуемъ твое успеніе, людіе твои сущіи, моли спасти отечество твое и державу православнаго Императора нашего Николая Александровича, и вся притекающія къ рацѣ мощей твоихъ, и вѣрно вопіющія ти: радуйся, граду нашему утвержденіе.

Молитва. Скорый помощниче всѣхъ усердно къ тебѣ прибѣгающихъ, и теплый нашъ предъ Господемъ предстателю, святый благовѣрный княже Александре! Призри милостивно на ны недостойныя, многими беззаконіи непотребны себѣ сотворшія, къ рацѣ мощей твоихъ нынѣ притекающія, и изъ глубины сердецъ къ тебѣ взывающія: ты въ житіи своемъ ревнитель и защитникъ православныя вѣры былъ еси, и насъ въ ней теплыми твоими къ Богу молитвами непоколебимы утверди. Ты великое возложенное на тя служеніе тщательно проходилъ еси, и насъ твоею помощью пребывати коегождо, въ неже призванъ есть, настави. Ты, побѣдивъ полки супостатовъ, отъ предѣловъ Россійскихъ отгналъ еси, и на насъ ополчающихся всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ низложи. Ты, оставивъ тлѣнный вѣнецъ царства земнаго, избралъ еси безмолвное житіе, и нынѣ праведно вѣнцемъ нетлѣннымъ увѣнчанный на небесѣхъ царствуеши, исходатайствуй и намъ, смиренно молимъ тя, житіе тихое и безмятежное, и къ вѣчному царствію шествіе неуклонное твоимъ предстательствомъ устрой намъ. Предстоя же со всѣми святыми престолу Божію, молися о всѣхъ православныхъ христіанѣхъ, Самодержавнѣйшемъ Великомъ Государѣ нашемъ Императорѣ Николаѣ Александровичѣ всея Россіи, да сохранитъ ихъ Господь Богъ Своею благодатію въ мирѣ, здравіи, долгоденстіи и всякомъ благополучіи въ должайшая лѣта, да присно славимъ и благословимъ Бога, въ Троицѣ Святѣй славимаго, Отца, и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь (изъ акаѳиста св. благов. князю Александру Невскому).

Памяти Царя-Миротворца.

Дорого и священно для русскаго сердца незабвенное имя Царя Миротворца. Кто не помнитъ, какъ св. Русь три года тому назадъ, — въ памятное время общенароднаго горя, оплакала своего возлюбленнаго, въ Бозѣ почившаго Царя-Александра III,—оплакала слезами столь же неподдѣльной, искреннѣйшей скорби, какъ нѣкогда блаженную кончину св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго? Кто не знаетъ, что и весь міръ, изумленный чудною красотой великой души нашего Мо-

нарха, вознесъ тогда величественный и молитвенно задушевный гимнъ во славу Его? «Царь-подвижникъ, Царь-православный, Царь-по сердцу Божію, по закону евангельскому. Царь-правило вѣры, образъ величія, кротости и самоотверженія. Царь-вѣяніе духа древней Россіи,— великихъ носителей лучшихъ завѣтовъ ея далекаго прошлаго (Владиміра Святаго, Ярослава Мрдраго, Владиміра Мономаха), въ особенности—Александра Невскаго»,—вотъ тѣ немногіе отголоски нашего отечественнаго и иноземнаго гимна! Отрадны и пріятны, конечно, для русскаго царелюбиваго народа подобные правдивые отзывы всего свѣта о нравственномъ, величавомъ обликѣ Царя-Миротворца. Но еше несравненно утѣшительнѣе и отраднѣе каждому русскому вѣрноподданному питать твердую надежду, что, какъ вѣчную славную память свято хранитъ наша св. Русь о блаженномъ Александрѣ Невскомъ, «иже много трудишеся, за землю русскую животъ свой полагая», такъ же точно не забудетъ никогда въ молитвахъ ни русскій народъ, ни православная Церковь своего о Господѣ почившаго Государя-Александра Александровича, любившаго родную землю «всею силою своей русской души» и служившаго ей «не щадя ни здоровья своего, ни жизни» (слова Высочайшаго Манифеста).

Древній богомудрый царь вѣщаетъ намъ: *путіе праведныхъ подобнѣ свѣту свѣтятся: предходятъ и просвѣщаютъ, дондеже исправится день* (Притч. 4, 18). Это значитъ, что жизнь праведниковъ подобна свѣту, который можетъ не только предуказывать, но и освѣщать для насъ путь къ будущему свѣтлому царству также полно, какъ дневной яркій свѣтъ полно освѣщаетъ внѣшніе предметы. Не осуществился ли, посмотримъ, многознаменательный смыслъ этой богомудрой притчи въ

свѣтлой личности въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III? Да, какъ живой, воскресаетъ онъ въ нашей памяти, вновь является онъ, одаренный всѣми дарами царственной благодати во всемъ величіи своего обаятельнаго образа! А на ряду съ нимъ возстаетъ передъ нами изъ глубины вѣковъ, какъ наилучшій его прообразъ, свѣтозарный ликъ небесною славою увѣнчаннаго Александра Невскаго. Не озарялась ли на самомъ дѣлѣ вся чистая и возвышенная жизнь почившаго муропомазанника дивными проявленіями Божьяго благословенія и покрова подобно тому, какъ Божіе Провидѣніе охраняло среди ужасныхъ опасностей тезоименитаго Ему хранителя земли русской,—витязя Невскаго? И правда, чѣмъ болѣе всматриваешься въ возвышенные черты святаго древняго русскаго князя, тѣмъ болѣе поражаешься и его близкимъ духовнымъ родствомъ и его внѣшнимъ даже сходствомъ съ покинувшимъ насъ истиннымъ Отцемъ отечества. Вспомнимъ, что было въ тѣ страшныя времена святаго князя, когда наши многострадальные предки испытали «Божій бичъ»—нашествіе съ востока варварскихъ—азіатскихъ полчищъ, когда и Шведы, и Нѣмцы, и Литва, и постоянно враждующіе между собою наши князья какъ бы сговорились истерзать сердце русское и растерзать на части нашу тогда бѣдную землю... Не такъ же ли и мы подвергались не менѣе страшному нашествію съ Запада чуждыхъ намъ ученій, которыя произвели у насъ въ средѣ многихъ умственную смуту, нравственное шатаніе и привели насъ къ печальнѣйшему событію 1-го Марта?! Не такъ же ли, какъ и тогда, къ великому утѣшенію истинныхъ сыновъ растерзанной Россіи, Богу угодно было воздвигнуть ей такого духовнаго властелина, которому, по вступленіи на престолъ, вскорѣ удалось отвратить страшную тучу бѣдствій и указать русскому

народу на всѣ грядущіе вѣка, въ чемъ долженъ заключаться залогъ его величія и благоденствія?

Припомнимъ далѣе, съ какою чудною полнотой осуществилось на богоизбранномъ, въ Бозѣ почившемъ, Царѣ-Миротворцѣ знаменательное предреченіе нѣкоего русскаго подвижника, святителя Божія Іереміи: «новый наслѣдникъ Всероссійской Державы да будетъ, какъ тезоименитый ему витязь Невскій, утѣшеніемъ Державныхъ Родителей, честію, славою и счастіемъ Россіи». Дѣйствительно, такъ же какъ и блаженный Александръ, нашъ почившій незабвенный Государь постепенно достигъ великихъ плодовъ не громкими дѣлами славы мірской, но величіемъ своего миролюбиваго духа, свѣтлымъ и спокойнымъ разумомъ, глубокимъ смиреніемъ, самоотверженными трудами, «великою правдой души» и непоколебимою вѣрой въ Божіе Провидѣніе и въ силу своего народа. Онъ далъ нашей родной странѣ 12 лѣтъ истиннаго, прочнаго, возвышеннаго счастья! Страхъ Божій, искреннее, живое благочестіе и всецѣлая преданность вѣрѣ православной проникали чистую, «хрустальную» душу его. Онъ любилъ и чтилъ святую Церковь. Онъ любилъ благолѣпіе святыхъ храмовъ, Онъ, подобно древнимъ святымъ русскимъ властелинамъ, горячо заботился о служителяхъ алтаря Господня, духовной богословской науки и церковно-приходской школы. Въ своей царственной заботливости и милостивѣйшемъ вниманіи ко всѣмъ своимъ безъ исключенія многомилліоннымъ вѣрноподданнымъ, сколько Онъ явилъ примѣрнаго благочестія, правды и мудрости!.. Онъ, по древнему выраженію нашихъ предковъ, поистинѣ «все государство сталъ приводить въ достоинство». При немъ процвѣла св. Русь предъ всѣми народами земными. Умиротворилась она

внутри: воскресло ея благочестіе, вновь водворилось въ ней единеніе, поднялось внѣшнее благосостояніе всѣхъ сословій и званій,—словомъ, благословенный миръ почивалъ по лицу всей русской земли, для которой жизнедѣятельность Его, какъ и древняго святаго Князя Александра, была особеннымъ благодѣяніемъ Промысла Божія. Не будемъ много распространяться о томъ, какъ недавно у насъ, что было и во времена св. Александра, Россія испытала всѣ ужасныя бѣдствія голода, когда блаженный князь явился «сиротамъ и вдовицамъ заступникомъ и безпомощнымъ помощникомъ и не изыде изъ дому его никто же тощь». Не напиталъ ли точно такъ же и нашъ почившій возлюбленный Государь, милосердый и сострадательный, свой народъ въ годины голода, подобно своему великому прообразу? Не будемъ болѣе исчислять всѣ великія благодѣянія нашего любвеобильнаго Царя-Миротворца. Да и чье слово въ состояніи выразить всѣ Его благодѣтельные законы, постановленія, учрежденія, преобразованія и улучшенія?!

Кромѣ указаннаго нами духовнаго родства и внутренняго единенія въ чертахъ характера и жизнедѣятельности Александра III съ святымъ Александромъ Невскимъ, можно видѣть поразительное сходство между ними и во внѣшнихъ историческихъ судьбахъ того и другаго. Во первыхъ, такъ же, какъ и у насъ, благочестивый родитель блаженнаго Александра, Ярославъ Всеволодовичъ, скончался отъ вражеской руки, насильственною смертію. Такъ же было растерзано сердце его благороднаго сына, принимавшаго на себя бремя правленія среди тяжелыхъ обстоятельствъ... Такъ же, какъ и почившій избранникъ Божій, св. Александръ не готовился быть главою своего народа, но внезапная кончина старшаго брата сдѣлала

неизбѣжнымъ для него тяжелое бремя правленія. Во вторыхъ, не прошло и 13 лѣтъ послѣ того, какъ Александръ, герой Невскій, получилъ великое княженіе (1250 — 1263 гг.), какъ русской землѣ пришлось уже проститься съ своимъ краснымъ солнышкомъ во цвѣтѣ лѣтъ (43 хъ) и избыткѣ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Не тотъ же ли краткій срокъ пришлось и намъ радоваться на закатившееся наше красное солнце, не такъ же ли во цвѣтѣ лѣтъ и богатырскихъ силъ пришлось оплакивать благороднѣйшаго и лучшаго изъ Царей? Не такъ же ли свято, истинно-христіански, какъ и блаженный Александръ, окончилъ свое славное служеніе на землѣ незабвенный въ памяти народной Государь нашъ, удостоившись, къ «Его великому утѣшенію», не однажды причаститься святыхъ Христовыхъ Таинъ?.. Наконецъ, если сравнимъ жизнеописаніе св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго о скорбныхъ событіяхъ послѣднихъ дней и часовъ его блаженной кончины, то найдемъ и здѣсь поразительное сходство съ такъ рано почившимъ Императоромъ Александромъ III «Вотъ проносится въ душѣ картина давно минувшаго... Такъ же томительно ждутъ русскіе люди извѣстій съ далекой окраины... Великій князь возвращается изъ Орды, куда ходилъ искупительною жертвой за дорогую родину, но возвращается больной, разбитый жестокимъ недугомъ... Провидѣніе не судило неутомимому труженику и страдальцу за землю русскую явиться среди своего народа». Читаемъ далѣе. «Божественная служба совершалась въ соборномъ храмѣ въ стольномъ Владимірѣ. Митрополитъ Кириллъ вмѣстѣ съ своей паствой возносилъ теплыя молитвы Богу, молился, можетъ быть, объ отвращеніи опасностей, грозившихъ отечеству, о благополучномъ воз-

вращеніи князя, котораго такъ долго и съ нетерпѣніемъ ожидали. Среди молитвы внезапно Святитель получилъ чудесное извѣщеніе о кончинѣ св. Александра. Слезы закапали изъ глазъ старца... Съ глубокимъ вздохомъ, голосомъ, въ которомъ слышались рыданія, Митрополитъ громко произнесъ: «Чада моя милая, знайте, что нынѣ благовѣрный князь, великій Александръ преставился»! Ужасъ охватилъ всѣхъ при этихъ словахъ. Храмъ огласился воплями скорби и отчаянія... «И бысть плачь великій, и причаніе и туга, яко же нѣсть такова бывала, токмо и земли потрястися» (Соф. Врем. 1,273). Вотъ проносится такая же подавляющая душу картина недавно минувшаго... «Съ рыданіями, со слезами молилась Россія о Государѣ, какъ объ отцѣ. Пріостановилась обычная суетливая жизнь, и царила безраздѣльно одна мысль. Всѣ горячо молились здѣсь объ исцѣленіи Царя, чтобы недугъ его упорный, какъ тѣнь безслѣдная, пропалъ. Но— воля Божія совершилась, и не было словъ, не было связныхъ мыслей, чтобы выразить всю необъятную ширь русскаго горя». (Московск. Вѣдомостк. 1894 г. № 291). Перо не въ состояніи, конечно, передать тѣхъ потрясающихъ душу слезъ и рыданій, какими оглашались и православные храмы и дома послѣ того, какъ 20 октября пришла роковая вѣсть о кончинѣ Державнаго страдальца...

Въ глубокомъ траурѣ печальная столица,
Щемящій за душу унылый слышенъ звонъ,
Въ молчаньи тягостномъ бредутъ, понуря лица,
Несмѣтныя толпы во храмъ со всѣхъ сторонъ...
У всѣхъ скорбятъ сердца и слезъ струятся рѣки,
Смущаются умы... Лишь Онъ недвижно спитъ
Одинъ, на чьемъ лицѣ покой застылъ на вѣки,

Одинъ, Кого ничто отнынѣ не смутитъ...
Покинулъ скорбный міръ Царь, правды стягъ державшій,
Могучій мира Стражъ средь рвущихся къ борьбѣ,
Царь, отъ враговъ любовь Себѣ стяжавшій,
Вооруженнымъ грозной силой диктовавшій—
Покой до времени и преданность судьбѣ!
Побѣдой мирною всѣхъ цезарей затмившій,—
Чья слава зиждилась на ужасѣ смертей,—
Царь, сотни тысячъ жизней сохранившій
Народамъ запада и родинѣ Своей!...
Почилъ державный Вождь, Русь мощною рукою
На небывалую подъявшій высоту!...
И вотъ—мы смущены, оставлены Тобою,
Мы чуемъ безъ Тебя свою немоготу...
Но Богъ защита намъ! Ты, правды чистый воинъ,
Свой подвигъ отстрадавъ до скорбнаго конца,
Сподвижницѣ заботъ державнаго вѣнца
Сказалъ «*Покойна будь, Я Самъ вполнѣ покоенъ!*»...
И въ умиленіи внимала Русь Царю...
Въ кончинѣ праведной Онъ далъ намъ намъ утѣшенье,
Въ Его словахъ—грядущаго прозрѣнье!
Россіи начерталъ Онъ свѣтлую зарю!...

Охватившія тогда и наполнившія всѣхъ и каждаго жгучія чувства невыразимой скорби вновь напомнили намъ нашихъ предковъ давноминувшихъ дней блаженной кончины св. Александра Невскаго. Одна и таже «сердечная туга» роднила насъ съ ними тогда... А теперь?! Не горючею слезой, а тихою теплою молитвой «по вся дни» должны мы замѣнить былыя, плачевныя пѣсни и рыданія... Теперь, благодарно памятуя «о славныхъ дѣяніяхъ и добродѣтеляхъ» своего возлюбленнаго почившаго Монарха, вся св. Русь «въ роды родовъ и по вся дни»

должна восносить за Него свои искреннѣйшія, нелицемѣрныя молитвы къ престолу Царя царей, да воздастъ Онъ ему въ мірѣ горнемъ за всѣ великія благодѣянія, какія успѣлъ Онъ оказать ей за время своего кратковременнаго царствованія. Теперь мы питаемъ полную надежду, что вся русская страна будетъ памятовать свою великую потерю, а «особые дни Царя», въ кои вѣрноподданнымъ излиты были при жизни Его щедроты, останутся незабвенными въ умахъ и сердцахъ всѣхъ русскихъ людей. Свято исполнилъ Александръ III свое земное назначеніе, идя свѣтлымъ путемъ праведниковъ, (Притч. 4, 18), всю жизнь озаряемый великими подвигами и мощными молитвами св. угодника Божія — Ему тезоименитаго, и мы глубоко вѣруемъ, что въ небесныхъ обителяхъ всеблагій Господь встрѣтилъ его словами: «добрый рабе и вѣрный, въ маломъ былъ вѣренъ, надъ многимъ тя поставлю: вниди въ радость Господа Своего». Да пребудетъ же о Господѣ почившемъ Александрѣ III и на землѣ вѣчная славная память въ роды родовъ!.. И всѣ мы, русскіе вѣрноподданные, ни чѣмъ не можемъ доказать своей любви къ почившему Отцу отечества, какъ искреннѣйшими о Немъ молитвами и обѣтомъ несокрушимой вѣрности съ сердечною готовностію служить Его Царственному Сыну, нынѣ благополучно царствующему, Благочестивѣйшему Государю нашему Императору Николаю II,—служить «Ему всѣмъ животомъ своимъ» и горячо любить Его.

Священ. Н. Воскресенскій.

S 44/1510

S 44/1510

146/406.

СВЯТЫЙ БЛАГОВѢРНЫЙ

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

Александръ Невскій.

ПАМЯТИ

ЦАРЯ-МИРОТВОРЦА.

КРАТКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ.

Библіотека Кіевской Духовной Академіи

МОСКВА.
Типо Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, собственный домъ
1898.

Въ фундаментальную библіотеку Московской Дух. Академіи 1898 г. Инв. 2.

S 44/1510

146/406.

СВЯТЫЙ БЛАГОВѢРНЫЙ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

Александръ Невскій.

ПАМЯТИ

ЦАРЯ-МИРОТВОРЦА

КРАТКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ.

№ 20048.

МОСКВА.
Типо-Литографія П. Ефимова. Большая Якиманка, собственный домъ.
1898.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Декабря 11 дня, 1897 года.

Цензоръ священникъ *Александръ Гиляревскій.*

Государственная
им. В. И. Ленина
4252-64
2007059075

Святый благовѣрный великій князь Александръ Невскій.

„О витязь, дѣлами твоими
Гордится великій народъ!
Твое громоносное имя
Столѣтія всѣ перейдетъ“!
(*А. Толстой*).

Болѣе шести вѣковъ свято чтится на Руси благословенное имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Не смотря на то, что такъ далеко отъ насъ онъ жилъ и дѣйствовалъ въ нашемъ отечествѣ, но земные славные подвиги его донынѣ живутъ и разливаютъ жизнь между нами—его отдаленными потомками. Какъ извѣстно, въ нашей болѣе тысящелѣтней исторіи, отъ равноапостольнаго Владиміра, просвѣтившаго нашу Русь свѣтомъ Христовой истины, до настоящаго времени, можно насчитать цѣлый рядъ князей и царей, которые сами шли и народъ свой вели къ благоденствію тѣмъ свѣтлымъ путемъ добродѣтелей, какой указанъ въ святомъ Евангеліи—совершителемъ нашего спасенія, Господомъ Іисусомъ Христомъ. Къ сонму такихъ народныхъ вождей и избранниковъ Божіихъ принадлежитъ и благовѣрный в.

князь Александръ Невскій,—по истинѣ великій труженикъ земли русской, увѣнчанный небесною славою. Вознесенный Богомъ на высоту престола, онъ великъ и славенъ былъ на немъ не однимъ великокняжескимъ достоинствомъ и мірскимъ величіемъ, но преимущественно необыкновенною преданностію къ вѣрѣ православной и пламенною любовію къ Богу и отечеству. «Много потрудился онъ, замѣчаетъ древній лѣтописецъ, за землю русскую, отдавая животъ свой и заправовѣрную вѣру». Не даромъ всѣ истинные сыны нашего отечества на пространствѣ болѣе шести вѣковъ преисполнялись и будутъ преисполняться къ нему чувствами благоговѣйнаго почитанія, какъ къ страдальцу за землю русскую, къ подвижнику вѣры, ангелу во плоти и т. д. Не даромъ и наша отечественная исторія на всѣхъ его дѣяніяхъ, совершенныхъ имъ для благосостоянія русскаго государства, останавливается съ особенною любовью, всегда ставя его въ примѣръ потомству. «Соблюденіе русской земли отъ бѣды на востокѣ, говоритъ нашъ извѣстный историкъ Соловьевъ,—знаменитые подвиги за вѣру и землю на западѣ, доставили Александру славную память на Руси, сдѣлали его самымъ виднымъ историческимъ лицемъ въ нашей древней исторіи отъ Мономаха до Донскаго» (Исторія Россіи, т. III). Не безъ причины, конечно, и наша св. церковь прославляетъ святаго вѣнценосца въ своихъ хвалебныхъ пѣснопѣніяхъ, именуя его «ревнителемъ и защитникомъ православной вѣры, тщательно проходившимъ возложенное на него служеніе предъ Богомъ и своимъ народомъ, успѣшно побѣждавшимъ полки супостатовъ и отгонявшимъ ихъ отъ предѣловъ Россійскихъ» (акаѳистная молитва св. князю). Вотъ тѣ главныя основанія, по которымъ отечество наше признало Александра Ярославича мудрымъ и добродѣтельнымъ, исторія—великимъ и славнымъ, а церковь—святымъ и блаженнымъ.

Бѣдственно для Россіи было то время, въ которое княжилъ боголюбивый князь Александръ, герой Невскій. Почти вся русская земля свирѣпыми монголами разорена была едва не въ конецъ. Города и селенія опустошены огнемъ и мечемъ, святые храмы поруганы, расхищены или разрушены. Христіане, избѣгавшіе меча и плѣна, скрывались въ горахъ и непроходимыхъ лѣсахъ; несчастные жители селились тамъ, гдѣ жили дикіе звѣри. Кромѣ кровожадныхъ татаръ, даже чудь и емь — безвѣстныя племена будто сговорились между собою разорвать на части бѣдную землю русскую. Князья русскіе собранную съ своихъ подданныхъ дань покорно несли въ орду, отъ которой зависѣли и власть княжеская и самая ихъ жизнь. Сами же между собою, къ стыду и горю великому, то и дѣло ссорились, да вели междоусобныя войны.. Но не таковъ былъ по воспитанію и характеру во время благопотребное воздвигнутый милосерднымъ Господомъ, *въ рукахъ Коего власть надъ землею* (I. Сир. X, 4),— воздвигнутый на благо и спасеніе нашего отечества, въ самую тяжкую и печальную для него пору, благовѣрный в. князь Александръ Ярославичь.

Св. Александръ, 2-й сынъ великаго князя Ярослава Всеволодовича, правнука Мономахова, родился 30 мая 1220 года. Воспитанный своими благочестивыми родителями въ духѣ истинной православной вѣры и древняго христіанскаго благочестія, онъ смолоду возлюбилъ Христа, съ самаго дѣтскаго возраста обнаруживалъ въ себѣ благочестивую настроенность и любовь къ храму Божію. Дѣтскія забавы и мірскія рѣчи не занимали его. Любимымъ занятіемъ его было чтеніе священныхъ книгъ, писаній свв. отцевъ и учителей церкви, пѣніе церковныхъ пѣсней и тайныя молитвы. Унаслѣдованная имъ отъ родителей и родствен-

никовъ *) любовь къ благочестію съ юности же проявлялась въ томъ, что онъ былъ истиннымъ заступникомъ сиротамъ, вдовицамъ, всѣмъ несчастнымъ и угнетеннымъ. Счастливое время отрочества и юности Александръ провелъ большею частію въ Новгородѣ, гдѣ отецъ посадилъ его княжить въ 1228 г. вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Ѳеодоромъ, давъ въ руководители молодымъ князьямъ двухъ Суздальскихъ бояръ. Въ 1236 году Ярославъ уѣхалъ въ Кіевъ, получивъ тамошній княжескій престолъ, и Александръ сталъ самостоятельно править Новгородомъ. Юный новгородскій князь главнымъ образомъ заботился о томъ, чтобы самому творить судъ правый и чтобы всѣ сподвижники его отличались правосудіемъ и милосердіемъ. Видный внѣшнею красотою, онъ былъ кротокъ взоромъ, силенъ словомъ и необыкновенно мужественъ духомъ. Самая личность его производила чарующее впечатлѣніе на всѣхъ, кто его видѣлъ. Незадолго до славной невской побѣды, въ Новгородъ приходилъ магистръ Ливонскихъ рыцарей Андрей Вельвенъ. «Я прошелъ многія страны, говорилъ онъ, знаю свѣтъ, видалъ царей и князей, но нигдѣ не встрѣчалъ подобнаго Александру мужествомъ и красотою: ни въ царѣхъ—царя, ни въ князѣхъ—князя» (Иск. лѣт. II, Новг. 1, 53). Пріятный голосъ его, говорятъ современники, гремѣлъ, какъ труба, на вѣчахъ. Онъ не любилъ говорить много и отличался изумительнымъ самообладаніемъ. Иногда случалось, что собираясь въ походъ, онъ даже своимъ ближайшимъ людямъ и военачальникамъ не высказы-

*) Отецъ Александра—Ярославъ былъ просвѣтителемъ Короловъ, мать Ѳеодосія, въ иночествѣ Евфросинія, въ нашихъ лѣтописяхъ называется святою. Два дяди, братья его отца, положили жизнь свою за вѣру христіанскую и землю русскую въ битвѣ съ Монголами на рѣкѣ Сити. Двоюродный братъ его—Василько, мученически скончавшійся въ плѣну у татаръ, причтенъ церковію къ лику святыхъ,—и вообще весь родъ его отличался твердою вѣрою и благочестивою жизнію.

валъ прежде времени, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Воздержный въ словѣ, онъ былъ рѣшителенъ и твердъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Вдохновенный вождь, онъ умѣлъ вдохновлять народъ и войско. Онъ никогда не смущался даже и тѣмъ, что его ратная сила была ничтожна въ сравненіи съ силою непріятельскою и дѣйствовалъ быстро, съ живѣйшею вѣрой въ свое святое дѣло и геройство своихъ богатырей: рѣшительный и неустрашимый духъ его какъ бы непосредственно передавался его дружинѣ. Всего ярче отражается свѣтлый образъ доблестнаго героя въ лѣтописяхъ его современниковъ. Изображая его подвиги, они сравниваютъ его съ Александромъ великимъ, съ Ахилломъ, съ Веспасіаномъ, съ Самсономъ, съ Давидомъ, по мудрости съ Соломономъ. Тѣже современники вполнѣ цѣнили достоинства Александра, слава о немъ гремѣла далеко; по свидѣтельству лѣтописцевъ, въ цѣлой Россіи не было области, которая бы не желала имѣть его своимъ княземъ. Не трудно объяснить причины такого явленія. Русскій народъ, подавленный страшнымъ нашествіемъ татаръ, естественно искалъ утѣшенія и отрады въ томъ, кто хотя нѣсколько могъ бы поднять и ободрить упавшій духъ, оживить надежду, показать ему, что не все еще погибло на святой Руси.. И онъ нашелъ все это въ лицѣ Александра Ярославича, — такой свѣтлой путеводной звѣздой особенно послѣ невской побѣды сдѣлался онъ, на которой съ горячей любовью и упованіемъ сосредоточилъ свои взоры русскій народъ. Такимъ русскимъ народнымъ героемъ былъ доблестный Князь, призванный Богомъ въ годины тяжкихъ испытаній нашего отечества спасти будущность русской народности, православія и самодержавія!

«Смири Господь Богъ русскую землю, говоритъ лѣтописецъ, нахожденіемъ иноплеменникъ» (Тверск. л. 365).

Въ первый годъ княженія юнаго Александра въ Новгородѣ, татаринъ злой вторично шагнулъ черезъ рубежъ матушки Волги, и вотъ снова настала для нашихъ многострадальныхъ предковъ тяжкая година страшнаго Божьяго посѣщенія. Другой разъ бурнымъ опустошительнымъ ураганомъ, подобно разрушительному вѣтру, подъ предводительствомъ внука Чингизъ — хана — Батыя, монголы — татары вторгнулись въ Россію, все предавая на пути своемъ огню и мечу. Развалины и груды костей человѣческихъ обозначали ихъ путь. «Отъ множества воиновъ земля стонала; отъ громады войска обезумѣли дикіе звѣри и ночныя птицы» («Ист. Росс.» Иловайск. ч. II). Разгромивъ города внутренней Россіи и разоривъ суздальскую землю, татары направились къ великому Новгороду. При видѣ ужасовъ разрушенія, у всѣхъ опустились руки, падало мужество (Соф. 1. 246). Но усердныя молитвы боголюбиваго князя и народа были услышаны Богомъ. Не дойдя до Новгорода ста верстъ, Батый вдругъ повернулъ въ другую сторону—на югъ и устремился на городъ Козельскъ (Калужской губ), гдѣ всѣ защитники его были избиты отъ мала и до велика.

Спустя три года послѣ миновавшей, съ Божіею помощію, величайшей опасности татарскаго разгрома, въ 1239 году на 20 году жизни юный Александръ вступилъ въ бракъ съ дочерью Полоцкаго князя Брячислава, Александрою. Бракъ этотъ былъ торжественно совершенъ въ г. Торопцѣ (Псковской губ.), по пріѣздѣ изъ котораго въ Новгородъ, Александръ Ярославичъ повторилъ здѣсь свадебныя торжества, пожелавъ подѣлиться своею семейною радостью съ народомъ, и народъ веселился и радовался, любуясь и гордясь своимъ княземъ. Въ томъ же году дальновидный Александръ, съ общаго народнаго совѣта, началъ

заниматься постройкою крѣпостей на рѣкѣ Шелони, въ каковыхъ укрѣпленіяхъ была тогда настоятельная нужда; по обычаю того времени, онъ собиралъ ополченіе изъ разныхъ городовъ и съ необыкновеннымъ терпѣніемъ обучалъ свою дружину воинскому искуству. Только благодаря такой мудрой предусмотрительности, въ скоромъ времени Александру Господь судилъ прославить свое имя въ борьбѣ со Шведами, нѣмцами и литовцами, которые стремились овладѣть Новгородомъ и Псковомъ въ то время, когда остальная Русь подверглась страшному татарскому погрому. Подъ руководствомъ папъ и ихъ именемъ эти западные народы, одновременно съ нашествіемъ на наше отечество азіатскихъ полчищъ, устремились покорить весь міръ во имя христіанскаго Бога — на словахъ, а на самомъ дѣлѣ съ цѣлію порабощенія всѣхъ другихъ народовъ. По истинѣ «вѣчная похвала боголюбивому князю Александру, который съ изумительной проницательностью во-время разгадалъ страшную опасность, угрожавшую намъ съ Запада, предпочелъ татарскую неволю, всевозможныя униженія и тяжелыя матеріальныя жертвы, но въ тоже время мужественно сталъ на стражѣ русской народности» (св. благов. князь Алек. Невскій, Хитрова, стр. 56).

Не долго пришлось Александру оставаться безъ дѣла послѣ благословеннаго супружества. Въ 1240 году въ Новгородѣ было получено извѣстіе «яко свѣи идутъ къ Ладозѣ», т. е. что на Невѣ появились Шведы (Новг. 1,53; Соф. 1, 251). И прежде не разъ оспаривали у новгородцевъ обладаніе Финляндіей Шведы, теперь-же, побуждаемые буллою папы Григорія IX, возвѣстившаго крестовый походъ противъ язычниковъ—финновъ и русскихъ и именемъ Всевышняго обѣщавшаго прощеніе грѣховъ всѣмъ участникамъ похода,

безъ всякаго предварительнаго объявленія, вдругъ вторгнулись въ предѣлы Новгородскіе. Крестоносцы эти, давшіе названному папѣ — Григорію IX — клятву огнемъ и мечемъ распространять свое исповѣданіе вѣры, явились съ намѣреніемъ проложить ему дорогу и въ православной Россіи, покорить русскихъ и совратить ихъ въ вѣру латинскую. Для этой предумышленной цѣли, въ опустошенную Батыемъ страну русскую царствовавшій въ это время въ Швеціи король Эрихъ посылаетъ многочисленное войско въ сопровожденіи «честныхъ бискуповъ,» множества духовенства, а во главѣ ополченія— самаго знаменитаго героя (ярла) — своего зятя Биргера. Гордый Биргеръ, подплывъ въ ладьяхъ въ Неву, къ устью Ижоры, съ многочисленными войсками финновъ и шведовъ, надменно послалъ сказать Александру: «выходи противъ меня, если смѣешь, я стою уже въ землѣ твоей.» Но этотъ надменный вызовъ не смутилъ юнаго героя. Юный лѣтами, но твердый вѣрою въ Бога и покорный Его промыслу, благовѣрный князь не устрашился чужеземной угрозы, но, «разгорѣвшись сердцемъ,» обратился съ теплою молитвой къ единому избавителю всѣхъ Господу, въ слезахъ излилъ предъ Всевышнимъ скорбь свою и народа своего, и молитва сердечная проникла въ самое небо и низвела оттуда помощниковъ. Родственные по духу и плоти — святые мученики Борисъ и Глѣбъ невидимо явились на дѣло ратное восполнить малое число новгородской дружины. Начальникъ приморской стражи, ижорскій старшина — благочестивый Пелгусій (названный во св. крещеніи Филиппомъ), бдительно совершавшій ввѣренную ему стражу, на восходѣ солнца стоялъ на берегу Финскаго залива и зорко смотрѣлъ въ даль. Вдругъ видитъ онъ одиноко плывущую лодку и слышитъ какъ

бы плескъ отъ воды. Думая, что это—непріятели, Пелгусій еще пристальнѣе смотритъ: гребцовъ въ туманѣ не видно, а лодка стоитъ, и въ ней, братки обнявшись, два свѣтозарные витяза. Свѣтлыя лица ихъ кажутся извѣстными ему и одежды ихъ напоминаютъ ему святые лики страстотерпцевъ Бориса и Глѣба. И вотъ онъ слышитъ, какъ одинъ витязь говоритъ другому: «брате Глѣбе, вели грести, да поможемъ сроднику своему в. кн Александру Ярославичу.» Пораженный такимъ дивнымъ, небеснымъ видѣніемъ, Пелгусій поспѣшилъ разсказать все князю. Радостно забилось сердце князя при этомъ разсказѣ. Въ глубокомъ умиленіи, проникнутый увѣренностью въ Божіей помощи, Александръ тихо проговорилъ Пелгусію: «не говори никому объ этомъ, пока не увидимъ славы Божія» (Пск. 11, 3; Соф. 1, 252—253). Въ этотъ же день, а это было 15 іюля, въ день памяти св. князя Владиміра, юный герой, призвавъ въ молитвѣ своего святаго предка и св. сыновей его Бориса и Глѣба, принявъ благословеніе отъ Архіепископа Новгородскаго Спиридона, безъ страха и смущенія громкимъ голосомъ воззвалъ къ своей дружинѣ: «братья, не много насъ, а врагъ силенъ, но не въ силахъ—Богъ, а въ правдѣ!.. Не убоимся множества ратныхъ, яко съ нами Богъ.» (Тамъ же). Святое одушевленіе князя передалось народу и войску. Какъ молнія устремился онъ съ дружиною храбрыхъ новгородцевъ и ладожанъ на шведовъ. Внезапность и быстрота удара мгновенно привели ихъ въ замѣшательство. Подобно вихрю, впереди всѣхъ пронесся въ средину враговъ юный князь и увидѣлъ своего страшнаго врага... Съ необыкновенною отвагой бросившись на Биргера, онъ «возложилъ ему печать на лицо острымъ своимъ копіемъ» (Новг. л. IV, 35; Степ. кн. 1, 360). Въ этотъ же день—

съ утра до вечера, по сказанію того же лѣтописца, «бысть бой силенъ зѣло, ужасенъ и страшенъ» на южномъ берегу Невы, при впаденіи въ нее р. Ижоры. Но новгородцы овладѣли боемъ, дѣло враговъ было безвозвратно проиграно. Шведы, разбитые на всѣхъ пунктахъ, обратились въ бѣгство, оставивъ множество труповъ, тогда какъ въ войскѣ новгородцевъ убито было только двадцать человѣкъ,—такъ недорого обошлась славная побѣда! На другой день уцѣлѣвшіе отъ смерти враги наскоро вырыли на мѣстѣ побоища двѣ большія ямы и погребли въ нихъ трупы убитыхъ своихъ, а сами, гонимые страхомъ, поспѣшно удалились на своихъ судахъ съ береговъ Невы на свою родину.—Побѣдитель—Александръ Ярославичъ, спасшій православную вѣру отцевъ своихъ и весь народно-государственный порядокъ родной земли, при возвращеніи въ Новгородъ, съ неописуемымъ восторгомъ встрѣченъ былъ ликующимъ народомъ. И онъ, какъ истинный христіанинъ, прежде всего поспѣшилъ въ соборъ св. Софіи и излилъ здѣсь свои глубокія чувства благодарности, упавъ на колѣна предъ алтаремъ, въ такой горячей молитвѣ: «благодарю Тебя, Владыко преблагій, яко не оставилъ ми еси раба Твоего, и отъ враговъ нашихъ избавилъ ны еси.» Благодарное потомство за описанную знаменитую побѣду при рѣкѣ Невѣ увѣнчало его на вѣки славнымъ именемъ «Невскаго.» Съ этого времени герой Невскій сталъ еще болѣе славою русскаго народа, его надеждой, его утѣхой и гордостью (Новг. л. 1, 51, Псковск. II, 2—4).

Вольные и всегда безпокойные Новгородцы, не желавшіе подчиняться своему благодѣтелю—князю Александру такъ же, какъ властно управляли ими дѣдъ и отецъ, подняли такой ропотъ, что дѣло дошло даже до мятежа.

Кроткій и смиренный князь въ справедливомъ гнѣвѣ своемъ на тѣхъ, кому только что оказалъ величайшее благодѣяніе, не хотѣлъ болѣе оставаться въ Новгородѣ и зимою того же 1240 года вмѣстѣ съ матерью, супругою и дворомъ выѣхалъ отсюда въ Переяславль. Но обстоятельства заставили новгородцевъ скоро сознать свой неблагодарный поступокъ противъ Александра. Орденъ меченосцевъ, незадолго передъ тѣмъ соединившійся съ Тевтонскимъ орденомъ, возобновилъ наступательное движеніе на Русь новгородскую и псковскую. Въ годъ невской битвы начато было нѣмцами завоеваніе Псковской области. Взявши Изборскъ, они подступили къ Пскову, выжгли предмѣстья и поставили тамъ воеводою Твердилу Ивановича. Ободренные успѣхомъ, нѣмцы, давно дышавшіе местью къ новгородцамъ и стремившіеся къ ослабленію грозной ихъ силы, приступили къ завоеванію и новгородской волости. Водь или водская пятина была ими обложена данью, въ погостѣ Копорьѣ выстроена нѣмецкая крѣпость, взятъ Тесовъ, — земли по рѣкѣ Лугѣ подверглись разоренію и, наконецъ, нѣмецкіе отряды въ 30 только верстахъ отъ Новгорода стали производить грабежи и убійства. Гордые новгородцы смирились, но еще не совсѣмъ. Вмѣсто того, чтобы просить прямо св. Александра защитить ихъ отъ бѣдъ, они обратились къ Ярославу Всеволодовичу въ надеждѣ, не пришлетъ ли самъ Ярославъ желаннаго князя. Но Ярославъ послалъ имъ войско не подъ начальствомъ Александра, а третьяго сына своего – слабаго Андрея, который ничѣмъ не могъ обуздать нѣмцевъ. Они по прежнему свободно гуляли по водской пятинѣ, забирали скотъ и коней, такъ что совсѣмъ почти разорили новгородскую область. Тогда Новгородцы смирились и послали владыку — архіепископа съ боярами просить

Ярослава, чтобы онъ прислалъ къ нимъ князя Александра. Незлопамятный благочестивый князь забылъ недавнее оскорбленіе и явился на помощь новгородцамъ. Съ радостью принятый послѣдними, онъ наскоро съ дружиной двинулся на нѣмцевъ, первымъ дѣломъ отвоевалъ Копорье, гдѣ укрѣплялись враги, разрушилъ потомъ ихъ крѣпость; изгналъ ихъ изъ Водской области, а измѣнниковъ русскихъ изъ чуди и воложанъ строго наказалъ. Всѣ описанныя событія происходили въ теченіи одного—1241 года. Въ слѣдующемъ году Александра Ярославича снова ожидали подвиги во славу Россіи.

Враждебные тогда Россіи ливонскіе нѣмцы, воспользовавшись продолжительнымъ отсутствіемъ благовѣрнаго князя Александра Ярославича, впервые путешествовавшаго въ золотую Орду, напали на Псковъ, взяли его, поставили тамъ своихъ судей и безнаказанно хозяйничали во всей Псковской области. По возвращеніи отъ Батыя, возмущенный такою наглостію нѣмцевъ, доблестный князь выпросилъ у отца своего на помощь низовые изъ Суздальской земли полки и къ свѣжимъ силамъ присоединилъ дружины новгородскія. Немедленно, послѣ подкрѣпленія себя усердною молитвою въ храмѣ св. Софіи, онъ двинулся ко Пскову, занялъ всѣ ведущія къ нему дороги, и безъ особеннаго труда, съ Божіею помощію, очистилъ родину св. Ольги отъ нѣмцевъ, одна часть которыхъ погибла отъ меча,—другая, взятая въ плѣнъ, отведена въ Новгородъ. Дальновидный Александръ не ограничился однако этимъ сравнительно легкимъ воинскимъ подвигомъ,—нѣтъ, онъ, съ твердымъ упованіемъ на не разъ получаемую имъ видимую помощь Божію, рѣшился окончательно упрочить спокойствіе сѣвернаго края и навсегда лишить западныхъ непрошенныхъ пришельцевъ возможности вторгаться въ чужія владѣнія.

Въ видахъ лучшаго достиженія намѣченной патріотически—высокой задачи, мужественный Александръ, оставивъ въ покоѣ освобожденный Псковъ, не теряя времени, двинулся съ своею храброю дружиной въ предѣлы Ливоніи,—въ самую чудскую землю, надъ которою властвовали нѣмцы. Эти послѣдніе, до которыхъ дошла страшная вѣсть объ освобожденіи Пскова, быстро собрали громадное ополченіе и самонадѣянно рѣшили покончить съ новгородскимъ княземъ. «Пойдемъ, погубимъ князя Александра и возьмемъ его своими руками», хвастливо говорили ливонскіе рыцари. Не безъ основаній, впрочемъ, они такъ говорили. Когда приближалась вся рать непріятельская, то русское войско изумилось, увидавъ силу нѣмецкую. Не палъ однако духомъ герой невскій, всегда твердый надеждою на помощь Божію. Подкрѣпивъ духъ свой и сподвижниковъ своихъ молитвою въ Псковскомъ соборномъ храмѣ св. Троицы и, по заведенному обычаю, принявъ благословеніе отъ пастырей церкви, храбрый вождь смѣло выступилъ на встрѣчу врагамъ и съ своими главными силами выстроился близъ урочища Узменя и Вороньяго камня. Здѣсь то, на льду Чудскаго озера, и произошла та достопамятная битва съ нѣмцами, которая во всѣхъ лѣтописяхъ извѣстна подъ именемъ «Ледоваго Побоища». 5 апрѣля 1242 года, въ субботу на пятой недѣлѣ великаго поста, призвавъ на помощь Заступницу рода христіанскго, Которой въ этотъ день воспѣвались хвалебныя пѣсни въ храмахъ, и послѣ глубокихъ думъ о причиненныхъ западными врагами русскому народу бѣдствіяхъ, доблестный князь Александръ, воздѣвъ руки къ небу, громко воскликнулъ: «разсуди, Боже, споръ мой съ этимъ высокомѣрнымъ народомъ!» И раздались въ отвѣтъ на эти слова громкія восклицанія дружныхъ его

полковъ: «о честный и дорогой нашъ княже, приспѣлъ часъ сложить намъ за тебя свои головы!» (Соф. 1, 257; Пск. 11, 4). Неотразимая сила общаго одушевленія изгнала всякій страхъ изъ сердецъ русскихъ храбрыхъ воиновъ. И вотъ, на восходѣ солнца, Александръ «знаменався крестнымъ знаменіемъ», началъ жестокій бой. Не смотря на многочисленность нѣмецкихъ войскъ, острою колонною врѣзавшихся въ наши ряды, онъ, ударивъ на непріятелей съ боку, мгновенно привелъ ихъ въ замѣшательство, такъ что весь боевой планъ враговъ разстроился. Тогда до такой степени была ожесточенная сѣча, что, по разсказамъ современнаго лѣтописца, «казалось все озеро всколыхнулось и тяжко застонало. Не видно было льду,— все было залито кровью.» Такой ужасный бой продолжался до темнаго вечера, — до тѣхъ поръ, пока, продолжаетъ тотъ же лѣтописецъ, «обратили враги «плещи своя,» и сѣкли ихъ русскіе воины, и некуда имъ было скрыться. Избивали ихъ на льду и лежали тѣла чуди на протяженіи семи верстъ. Пятьсотъ рыцарей пали отъ нашихъ мечей и пятьдесятъ попались въ плѣнъ.» Нѣкогда гордые завоеватели Пскова, теперь потупивъ глаза въ землю, печальные шли въ своей рыцарской одеждѣ за нашими всадниками. «Такъ Богъ прославилъ здѣсь, заключаетъ лѣтописецъ, князя Александра предъ всѣми полками, какъ Іисуса Навина подъ Іерихономъ.» (Новг. л. IV, 37). Едва ли Псковичи помнили въ исторіи своей день счастливѣе того дня, когда побѣдоносный вождь торжественно возвращался въ городъ. Впереди въ свѣтлыхъ одеждахъ шло духовенство: игумены и священники — съ святыми иконами и крестами,—позади шла въ праздничныхъ нарядахъ счастливая и радостная толпа Псковичей. Несмолкаемо въ честь побѣдителя раздавались въ воздухѣ хва-

лебныя пѣсни: «слава Господу и вѣрному рабу Его Александру Ярославичу.» Раздѣливъ радость торжества съ псковичами, Александръ поспѣшилъ въ Новгородъ, гдѣ тоже, исполненный сердечной благодарности Богу, народъ восторженно праздновалъ славную побѣду надъ иноземцами. Понемногу успокоенные послѣ пораженія, нѣмцы спѣшили заключить миръ, по которому согласились отказаться отъ всѣхъ своихъ послѣднихъ завоеваній и даже уступили значительную часть своихъ земель. Такъ явно Господь сохранилъ нашу Русь отъ западныхъ приверженцевъ папства и послѣдователей католичества. Не даромъ благочестивый Александръ, по вступленіи въ г. Псковъ, прежде всего поспѣшилъ въ храмъ св. Троицы, гдѣ излилъ душу свою въ благодарной Господу Богу молитвѣ за спасеніе православной Россіи отъ грозившей ей большой опасности. Не даромъ и современники Александра придавали этой побѣдѣ важное и благодѣтельное значеніе. «О псковичи, восклицаетъ лѣтописецъ, если вы забудете вел. князя Александра Ярославича, не будете помнить его благодѣяній, то вы уподобитесь жидамъ, которыхъ Господь напиталъ въ пустынѣ «крастелми печеными и т. д. (Соф. 1, 258).

Не много прошло времени послѣ «Ледоваго побоища», какъ лѣтописцу приходится говорить о новыхъ врагахъ: «въ то время (1242 г.), говоритъ онъ, усилились литовцы и, отбиваясь отъ нѣмцевъ, начали рядъ опустошительныхъ набѣговъ на русскія земли» (Соф. 1, 258). Едва окончивъ одну борьбу, доблестный заступникъ отечества Александръ Ярославичъ съ неослабною энергіею поражаетъ новыхъ опасныхъ враговъ—литовцевъ. «Князь новгородскій, повѣствуетъ лѣтописецъ, выступая неоднократно противъ нихъ, жестоко избивалъ ихъ и истреблялъ до послѣдняго человѣка, до послѣдняго князя. Во время одного

похода удалось ему разбить семь непріятельскихъ ратей, при чемъ избито было много воеводъ ихъ, а иныхъ взяли въ плѣнъ. Слуги князя Александра, ругаясь надъ непріятелями, привязывали ихъ къ хвостамъ своихъ коней и такимъ образомъ вели за собою безбожную литву. Съ того времени литовцы стали бояться имени Александра» (Соф. 1, 258; Пск. 11, 45; Тверск. 385). Такимъ цѣлымъ рядомъ побѣдъ съ 1244—1245 гг. князь Александръ навсегда показалъ литовцамъ, что нельзя безнаказанно дѣлать набѣги на русскія земли. Но не совсѣмъ успокоились первые враги нашего отечества. Въ 1256 году шведы попытались было снова отнять у Новгорода Финское прибрежье и вмѣстѣ съ подвластною Емью стали строить крѣпость на р. Наровѣ. Но при одномъ слухѣ о приближеніи Александра съ суздальскими и новгородскими полками, удалились. Чтобы устранить шведовъ отъ всякихъ завоевательскихъ попытокъ и видовъ на Россію, Александръ совершилъ походъ въ шведскія владѣнія въ страну Еми (нынѣшнюю Финляндію), подвергнувъ ее опустошенію. Такъ побѣдоносно ограждалъ Александръ враговъ на западной границѣ, но совершенно иную политику долженъ былъ избрать по отношенію къ татарамъ, о чемъ скоро послѣдуетъ наша рѣчь. Теперь же остановимся на сказаніи современника—очевидца о многозначущемъ для русской церкви событіи, именно—о посольствѣ къ благовѣрному князю Александру отъ папы Иннокентія IV.

Какъ извѣстно, подчиненіе великой Россіи Риму было всегдашнимъ предметомъ свѣтлыхъ чаяній и властолюбивыхъ стремленій римскихъ папъ и фанатическихъ послѣдователей католическаго вѣроисповѣданія. Такъ и теперь, послѣ неоднократныхъ побѣдъ русскаго князя надъ шведами, нѣмцами и литовцами, римскій папа не оставилъ въ покоѣ вѣру нашего отечества: онъ противъ нея пере-

мѣнилъ только оружіе, употребивъ послѣднее хитро-разсчитанное средство—уловить князя Александра въ свои сѣти коварствомъ и льстивыми обѣщаніями. Еще разъ такимъ образомъ пришлось благовѣрному нашему князю, непобѣдимому на полѣ брани герою и мужественному защитнику русской народности, взяться за новое оружіе для отраженія хитрыхъ замысловъ папы и явить себя безпримѣрнымъ защитникомъ дорогого всѣмъ намъ православія. Такъ, въ 1248 году могущественный тогда папа Иннокентій IV протянулъ братскую руку бѣдственной Россіи, разсыпался въ похвалахъ Александру, бывшему въ это время княземъ Кіевскимъ, предложилъ ему свою помощь противъ татаръ-монголовъ, обѣщалъ тишину и славу, если только князь и народъ вступитъ подъ сѣнь ихъ церкви. Чего, казалось бы, лучше нужно было тогда Россіи? Не пріятно ли было для нея освободиться отъ несноснаго ига татарскаго? Но не такъ думалъ боголюбивый князь и съ нимъ православный русскій народъ. Вѣра, думали они, должна быть для православнаго человѣка дороже всего на свѣтѣ, дороже свободы, дороже жизни. «Однажды, — такъ повѣствуетъ современникъ — очевидецъ, — папа прислалъ къ великому князю Александру пословъ изъ великаго Рима. Послы, вручивъ ему папское посланіе, говорили князю: «такъ говоритъ папа: мы слышали о тебѣ, что ты славный и дивный князь, и земля твоя велика. Поэтому мы послали къ тебѣ изъ числа 12-ти кардиналовъ двухъ мудрѣйшихъ—Галда и Гемонта, чтобы ты послушалъ ученія нашего». Посовѣтовавшись съ своими мудрецами, в. князь Александръ Ярославичъ, громко воскликнувъ, сказалъ имъ въ отвѣтъ: «отъ Адама до потопа, отъ потопа до раздѣленія народовъ, отъ раздѣленія народовъ до Авраама, отъ Авраама до прошествія

израильтянъ чрезъ Чермное море, отъ исхода сыновъ израилевыхъ до кончины царя Давида, отъ начала царства Соломона до царя Августа, отъ начала правленія Августа до Рождества Христова, до Его страданій и воскресенія, отъ воскресенія до вознесенія на небо, до воцаренія Константина великаго и до перваго собора и до седьмого — все мы хорошо знаемъ, а вашего ученія не примемъ». (Соф. 1, 268; Твер. 398). Послы возвратились во свояси. Такъ отвѣчалъ благовѣрный Александръ на льстивое предложеніе римскаго папы, такъ глубоко преданъ былъ онъ вѣрѣ отцевъ, вѣрѣ православной! Глубоко знаменательный отвѣтъ Александра папству по истинѣ долженъ былъ послужить на всѣ будущія времена образцомъ при дальнѣйшихъ попыткахъ Рима къ подчиненію русской церкви. Такимъ явился онъ непобѣдимымъ исповѣдникомъ христіанства противъ латинянъ, доблестнымъ защитникомъ и поборникомъ вѣры, и этимъ, разумѣется, украсилъ свое имя новою славою въ потомствѣ.

Десять лѣтъ доблестный мужъ Александръ княжилъ въ Новгородѣ, — до самой кончины в. князя Ярослава Всеволодовича, послѣдовавшей 30 сентября 1246 года въ далекой Монголіи. Оставшійся старшимъ въ родѣ братъ покойнаго--Святославъ Всеволодовичъ занялъ владимірскій великокняжескій престолъ и роздалъ удѣлы своимъ племянникамъ. Но такое наслѣдство великокняжескаго престола не обошлось безъ споровъ и волненій. Только св. Александръ, всегда дѣйствовавшій достойно своей святой душѣ, былъ доволенъ раздѣломъ земель, произведеннымъ его дядею, — только онъ былъ чуждъ честолюбивыхъ притязаній, преимуществъ, почестей, которыя пріобрѣтались другими позорною цѣной всевозможныхъ заискиваній и униженій въ Ордѣ. Таковыми въ

послѣднемъ смыслѣ были какъ Святославъ Всеволодовичъ, такъ и младшій братъ Александра—Андрей, тотчасъ по погребеніи Ярослава поспѣшившіе въ Орду, чтобы противопоставить заслугамъ новгородскаго князя рѣшеніе хана. Святой же князь Александръ былъ доволенъ тѣмъ, что ему достались въ удѣлъ Новгородъ съ Переяславлемъ Залѣсскимъ, но онъ тоже долженъ былъ скоро ѣхать въ Орду, вынужденный къ тому поведеніемъ своего брата, недостойнымъ путемъ домогавшагося получить великокняжескій престолъ. Подкрѣпивъ себя молитвою, принявъ благословеніе епископа Кирилла, простившись съ своей семьей и народомъ, Александръ отправился туда для представленія къ Батыю. Съ честью былъ принятъ онъ Батыемъ. Для рѣшенія же спорнаго дѣла о правѣ на великокняжескій престолъ, Александру и Андрею Ярославичамъ, по волѣ хана, съ береговъ Волги пришлось совершить далекое путешествіе въ Монголію — къ великому хану Менгу. Два года употребили они на эту поѣздку и возвратились въ 1250 г. съ ярлыками на княженіе. Андрей хотя и младшій братъ, получилъ, по волѣ великаго хана, первый по назначенію Владимірскій столъ, Александръ же—Кіевъ и Новгородъ. Однако благовѣрный князь не поѣхалъ въ Кіевъ, потерявшій всякое значеніе послѣ татарскаго разоренія, а поселился въ Новгородѣ, ожидая поворота событій въ свою пользу, въ чемъ, какъ увидимъ, помогъ ему самъ Андрей своими неразумными честолюбивыми замыслами. Явившійся въ Новгородъ въ 1250 году, народный любимецъ—герой Александръ съ честью и великою радостію былъ встрѣченъ новгородцами. Здѣсь же въ слѣдующемъ году в. князь со всею любовію принималъ двухъ святителей: митрополита Кирилла и другого Кирилла, Ростовскаго епископа, посвятившихъ для Нов-

города архіепископа Далмата. Спустя немного послѣ этого, Александръ тяжко заболѣлъ, такъ что многіе опасались за его жизнь. Всѣ съ тревожнымъ участіемъ слѣдили за ходомъ болѣзни: храмы съ утра до вечера наполнены были людьми всѣхъ сословій, горячо молившихся о выздоровленіи князя. И Господь услышалъ молитвы народныя: «и продлилъ Богъ, говоритъ лѣтописецъ, дни жизни великому князю Александру, потому что онъ любилъ чинъ церковный: священниковъ, митрополитовъ и епископовъ чтилъ, какъ Самаго Христа, и любилъ всѣхъ христіанъ» (Соф. 1, 268). Тотчасъ по выздоровленіи, неутомимый труженикъ поспѣшилъ снова приняться за государственныя дѣла.

Недолго пришлось честолюбивому Андрею питать ложную надожду о своей славѣ, или иначе, самообольщаться несбыточною мечтою освободить русскую землю отъ татарскаго ига. Коварные замыслы его скоро стали извѣстны хану. Его дядя — Святославъ Всеволодовичъ счелъ нужнымъ пожаловаться хану Сартаку, сыну престарѣлаго Батыя, и донести ему, что Андрей не совсѣмъ покорный князь. Разгнѣванный этимъ доносомъ, Сартакъ въ 1252 году приказалъ двинуть противъ Андрея татарскія полчища подъ начальствомъ Ордынскаго царевича Неврюя. Легкомысленный Андрей, подъ вліяніемъ своихъ «малоумныхъ совѣтниковъ», рѣшился сразиться съ татарами, но, какъ и надобно было ожидать, потерпѣлъ пораженіе и едва убѣжалъ сначала въ Колывань къ нѣмцамъ, а потомъ къ шведамъ, у которыхъ нашелъ себѣ покровительство. Во время — Неврюева нашествія, Александръ находился въ Ордѣ и отъ того же Сартака, управлявшаго Ордою за дряхлостію отца, получилъ ярлыкъ на великое княженіе Владимірское. По возвращеніи изъ Орды, давно желаннаго гостя во Владимірѣ приняли съ великою ра-

достію и торжествомъ. Не только владимірцы, но и жители другихъ городовъ сошлись для торжественной встрѣчи великаго князя, потому что «бысть радость велика во Владимірѣ и во всей земли Суздальской» (Лавр. л. 202). Митрополитъ Кириллъ со всѣмъ духовенствомъ и народомъ, съ иконами и хоругвями вышли и встрѣтили князя за золотыми воротами. Отъ золотыхъ воротъ шествіе направилось въ кремль, въ соборный храмъ Богородицы, гдѣ, послѣ посаженія на царевъ престолъ, горячо съ своимъ народомъ молился Александръ Ярославичъ о дарованіи Божіей помощи и силъ на новые и болѣе трудные подвиги, чтобы Всевышній на дѣла его ниспославъ Свое благословеніе. И народъ не обманулся въ своихъ надеждахъ, возлагаемыхъ на новаго князя владимірскаго. Первой заботой его было—загладить слѣды Неврюева погрома. И дѣйствительно, «скоро воцарилось, замѣчаетъ историкъ Карамзинъ, спокойствіе въ великомъ княженіи; люди, испуганные нашествіемъ Неврюя, возвратились въ домы, земледѣльцы къ плугу и священники къ алтарямъ» (Карамз. Ист. Госуд. Рос. т. IV. 71): всюду чувствовалась могучая рука державнаго хозяина.

Десять лѣтъ княженія въ Новгородѣ и шесть лѣтъ на великокняжескомъ престолѣ въ Кіевѣ — всѣ эти годы достаточно подготовили благовѣрнаго князя Александра къ тѣмъ труднымъ подвигамъ, которые его ожидали во Владимірѣ. Онъ «сѣвъ во Владимірѣ» и ставъ такимъ образомъ полновластнымъ великимъ княземъ всей Россіи, являлся хотя такимъ же оборонителемъ русской земли отъ татаръ, какъ ранѣе отъ шведовъ и нѣмцевъ, но дѣйствовалъ инымъ путемъ, примѣняясь къ обстоятельствамъ, а именно, съ одной стороны сдерживалъ безполезныя возстанія своихъ подданныхъ противъ татаръ, съ

другой — старался внѣшнею покорностью предъ ханомъ доставить всевозможныя льготы русской землѣ. Мудрый Александръ ясно понималъ, что сопротивляться великой Ордѣ было еще не время, что лучшее спасеніе отъ «Божьяго бича», монгольскаго владычества, такъ сильно сказавшагося на сердцѣ и на хребтѣ русскаго народа,— заключается въ благоразумной уступчивости. Вотъ почему, какъ увидимъ, не съ мечемъ въ рукахъ, какъ доблестный воинъ, онъ долженъ былъ отражать монголовъ—татаръ, а съ подавленнымъ сердцемъ смиренно склонять свою умную-геройскую голову предъ ханами, во всемъ показывать имъ внѣшнюю покорность, умилостивлять ихъ русскимъ золотомъ и серебромъ и т. д. Благодаря такой благоразумной политикѣ и умѣнью ладить съ татарами, дальновидный Александръ, какъ бы нарочно избранный провидѣніемъ Божіимъ и на которомъ особенная благодать Божія почивала, могъ спасти русскую землю отъ полнаго ея разоренія. Тогда, конечно, можно будетъ легко убѣдиться въ справедливости сказаннаго, когда хотя кратко мы прослѣдимъ исторію нѣкоторыхъ путешествій святаго князя въ Орду, имѣвшихъ весьма благодѣтельное значеніе и для русской церкви, и для всего нашего дорогого отечества.

Болѣе дѣсяти лѣтъ минуло со времени грознаго нашествія могущественныхъ поработителей нашей страны—монголовъ, а Россія продолжала еще испытывать всѣ бѣдствія, подобно тѣмъ, какія вынесла Римская Имперія, когда сѣверные дикіе народы громили ея цвѣтущія области. Груды развалинъ вмѣсто городовъ и селъ, трупы множества непогребенныхъ людей, пустыя или сорною травою заросшія поля, полное безлюдье,—вотъ какую грустную картину представляла тогда бѣдная Россія, особенно послѣ нашествія Батыя. Среди этихъ ужасовъ гибели и разоренія, одинъ великій Нов-

городъ, по плану Провидѣнія Божія, остался нетронутымъ. И не только Богъ сохранилъ отъ руки варваровъ эту небольшую часть русской земли на сѣверѣ, но и—будущихъ вѣнценосныхъ собирателей и строителей русскаго государства. Именно Господь сохранилъ для многострадательной православной Россіи благочестивый корень правовѣрнаго князя Ярослава Всеволодовича съ пречестною отраслью въ лицѣ доблестнаго сына его Александра. Еще за долго до послѣдовавшей въ Ордѣ насильственной смерти его отца, слава о доблестяхъ героя невскаго гремѣла повсюду, и народъ русскій не даромъ утѣшался, что съ юнымъ княземъ новгородскимъ взошло «красное солнышко земли русской». Не смотря однако на это, и благовѣрному Александру Ярославичу на всѣхъ мѣстахъ княженія пришлось, по примѣру благочестиваго отца его, во все время монгольскаго ига собиравшаго бѣдный народъ «во едино», а также наравнѣ съ другими князьями, для блага и спасенія родины, испить горькую чашу униженій отъ свирѣпыхъ завоевателей. Достаточно сказать, что онъ на своемъ недолгомъ вѣку пять разъ путешествовалъ въ золотую Орду, съ ходатайствомъ о возможномъ облегченіи ненавистнаго русскому народу ига, въ случаѣ же неудачи готовый, по заповѣди Христа Спасителя, *положить душу свою за други своя*, — за дорогое свое отечество. Едва ли мы можемъ представить себѣ, сколько тяжкихъ трудовъ стоили св. князю тогдашнія, продолжавшіяся иногда по цѣлымъ годамъ, путешествія въ Орду. Цѣлыя тысячи верстъ нужно было переѣзжать то по болотамъ непроходимымъ, то по странамъ татарами разоренным, то по степямъ, дикими кочевниками населеннымъ, или же сыпучими песками покрытымъ... А униженіе предъ гордыми ханами, подарки и поклоны предъ ханскими

вельможами, — эти происки и клеветы отъ своихъ же братьевъ—русскихъ князей, сколько скорбей и тревогъ, сколько думъ и заботъ ложилось на святаго князя тяжкимъ бременемъ! И каждый разъ, прощаясь съ родной землей, съ родной семьей, онъ, конечно, прощался съ ними на всегда, предавая и себя и ихъ въ руки Божіи. Надобно было бороться со страхомъ смерти при приближеніи къ ханской ставкѣ, такъ какъ живо было въ его памяти, что путешествовавшіе князья должны были тутъ или измѣнять своей вѣрѣ, или терпѣть мученія и лишаться жизни, какъ въ послѣднемъ случаѣ и было съ княземъ Черниговскимъ Михаиломъ и боярином его Θеодоромъ за «не поклоненіе кусту» (Илов. ист. Россіи, ч. II).. Но *любовь долготерпитъ* (1 Кор. XIII. 4), такъ и мужественный Александръ Ярославичъ, при самоотверженной любви къ своему народу, презираетъ самый страхъ смерти и истинно — христіанскою твердостью духа искупаетъ и вѣру православную и Русь святую отъ всюду грозившихъ имъ бѣдъ.

Первое путешествіе благовѣрнаго князя Александра къ Батыю, въ бытность его удѣльнымъ княземъ новгородскимъ, описывается въ лѣтописи современника — очевидца такъ: Въ то время сильный царь восточный стороны прислалъ своихъ пословъ къ Александру съ такимъ приказомъ «Мнѣ покорилъ Богъ многіе народы: ты ли одинъ не хочешь покориться державѣ моей? Если хочешь сохранить за собою свою землю, прійди ко мнѣ: увидишь честь и славу царства моего» (Соф. 1, 266). И доблестный князь, краса и утѣшеніе своей земли, спѣшитъ исполнить волю надменнаго варвара. Пріобщившись Св. Таинъ и получивъ вмѣстѣ съ благословеніемъ напутствіе Епископа Кирилла, въ случаѣ нужды, принять мученическій вѣнецъ, смѣло

отправился къ грозному хану. Громкая воинская слава предшествовала ему на пути и сдѣлала его грознымъ настолько, что его именемъ татарскія матери даже стращали дѣтей, говоря имъ: «молчи, великій князь Александръ ѣдетъ», когда было нужно чѣмъ утишить ихъ крики и слезы, или же остановить ихъ шалости. Вотъ показалась и ставка самаго хана. Татарскіе жрецы прежде всего потребовали отъ русскаго князя поклоненія солнцу и огню предъ представленіемъ къ хану Батыю. «Я— христіанинъ, безстрашно отвѣчалъ онъ татарскимъ властямъ, и мнѣ не подабаетъ кланяться твари, а я кланяюсь Творцу всего».—«Смерть ему!»—завопили жрецы и уже готовились къ звѣрскому убійству. Приближенные о поступкѣ Александра донесли хану. Послѣ нѣкотораго напряженнаго ожиданія явились, наконецъ, ханскіе слуги и объявили приказъ Батыя — не принуждать князя къ исполненію обрядовъ... Вступивъ въ ставку ханскую и поклонившись самодовольному хану, величественный князь мужественно произнесъ: «тебѣ поклоняюсь, царь, потому что почтилъ тебя царствомъ Самъ Богъ, твари же не стану кланяться, потому что она создана для человѣка. Я служу единому Богу, Его чту и Ему поклоняюсь». Достаточно налюбовавшись невскимъ героемъ и похваливъ его мужество, Батый произнесъ: «правду говорили мнѣ, что нѣтъ подобнаго ему князя» (Соф. 1, 20). Съ честью и дарами отпустилъ Батый князя Александра, освободивъ на первый разъ русское духовенство отъ податей.

Второе и третье путешествія въ Орду, о которыхъ попутно касались мы выше, благовѣрный князь Александръ предпринималъ то для умилостивленія возгоравшагося на Россію гнѣва кровожадныхъ хановъ, то для рѣшенія спорнаго дѣла удѣльныхъ князей о правѣ на великокня-

жескій престолъ,—вотъ почему то и другое путешествіе не принесло особенныхъ благодѣтельныхъ послѣдствій для нашего отечества. Напротивъ, четвертое путешествіе неутомимаго труженника и печальника земли русской въ 1257 году имѣло особенно важное и всеобщее для Россіи значеніе. Еще наканунѣ этого года явился въ нашу страну отъ хана Берки (занявшаго послѣ Сартака мѣсто великаго хана и былъ братъ Батыя) вліятельный сановникъ Улавчій объявить распоряженіе хана о дани. Александръ послалъ ему дары и самъ ѣздилъ къ нему въ Нижній-Новгородъ, чтобы лично переговорить о предстоявшихъ Россіи налогахъ и народной переписи. Въ самый же 1257 годъ великій князь изъ стольнаго Владиміра совершилъ, съ Божіею помощію, далекое путешествіе въ Орду съ тою важною цѣлію, чтобы переговорить съ самимъ великимъ ханомъ объ окончательномъ опредѣленіи отношенія Россіи къ татарамъ. Много пришлось здѣсь великому благодѣтелю Александру порадѣть о благѣ родной земли! Много нужно было здѣсь показать ему и мудрости и силы воли, чтобы оградить русскую землю, не имѣвшую силъ защищаться, сохранить вѣру православную въ ея цѣлости и неприкосновенности, устранить вмѣшательство Орды во внутреннее управленіе нашей страны, и чрезъ то дать Россіи возможность собраться съ силами къ сверженію съ себя татарскаго ига! По истинѣ «отъ соображеній и умѣнья дальновиднаго Александра вести дѣла съ татарами почти рѣшительно зависѣла будущая судьба Россіи» (Бѣляевъ, в. кн. Ал. Яр. Невскій). По окончаніи всѣхъ переговоровъ и по возвращеніи в. князя въ отечество, зимою 1257 года прибыли численники и изочли «всю землю суздальскую и рязанскую и муромскую и поставиша десятники, и сотники, и тысящники, и темники и отъидоша въ Орду

(Лавр. 203), чтобы донести хану объ успѣшномъ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія. Не замедлилъ и Александръ туда же отправиться съ русскими князьями затѣмъ, чтобы, во-первыхъ, засвидѣтельствовать предъ ханомъ о добросовѣстномъ исполненіи русскимъ народомъ возложенныхъ на него повинностей и во-вторыхъ, отблагодарить Улавчія и другихъ вельможъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло. Принявши русскихъ князей очень милостиво, ханъ, при прощаньи съ ними, рѣшительно выразилъ свою волю, чтобы въ числѣ подвластныхъ ему земель находился и великій Новгородъ, въ которомъ, какъ и слѣдовало ожидать, не обошлось дѣло безъ мятежа. Какъ только разнеслись слухи среди новгородцевъ о намѣреніи татаръ произвести у нихъ такую же перепись для обложенія жителей поголовною данью, какая была произведена татарскими численниками въ земляхъ суздальской, муромской и рязанской.—начались по обычаю волненія, бурныя вѣча, на которыхъ много и горячо говорилось въ защиту независимости в. новгорода и противъ позорнаго ига — платить Ордѣ дань. Такъ, при одномъ извѣстіи о народной переписи, необузданные и своевольные новгородцы цѣлое лѣто бунтовали и доходили даже до убійствъ. Даже самъ князь, сынъ Александра, Василій, по неопытности увлекшись внушеніями мятежниковъ, былъ на сторонѣ новгородцевъ, не хотѣвшихъ платить тамги и десятины. За это Александръ отправилъ сына своего Василія въ суздальскую землю, а совѣтниковъ, подговаривавшихъ молодого князя къ сопротивленію татарамъ, на страхъ другимъ, подвергъ жестокому наказанію. На мѣсто же Василія онъ поставилъ княжить другого сына своего Димитрія. Только черезъ годъ—въ 1259 году, благодаря посредничеству и сильному вліянію мудраго политика Александра, новгородцы

опомнились и заявили разгнѣванному на нихъ князю, что они согласны допустить перепись. Молча, но со злобой въ душѣ, смотрѣли граждане Новгорода, какъ «начаша окаяннiи ѣздить по улицамъ, пишуще домы христiанскiе». Спокойно окончивъ исчисленiе Новгорода, татарскiе численники удалились (Соф. 1, 271, Новг. л. 1, 57), предоставивъ новгородцамъ права вносить подати или прямо хану или чрезъ в. князя. Безпокойные новгородцы, сначала сильно страдавшiе при мысли, что они сдѣлались рабами татаръ, постепенно потомъ убѣдились, что ихъ прежнiй князь своею мудростiю еще разъ спасъ ихъ отъ пропасти, въ которую по неразумѣнiю они стремились, за что всѣ спѣшили выразить чувство благодарности и неизмѣнной преданности своему великодушному заступнику. Какими же успѣхами и благодѣтельными послѣдствiями увѣнчались четырехлѣтнiе труды Александра въ переговорахъ съ ханами и ихъ сановниками, — это прекрасно изображается русскимъ историкомъ Бѣляевымъ: «Россiя, говоритъ этотъ историкъ, при опредѣленiи своихъ отношенiй къ монгольскимъ ханамъ, во-1-хъ, сохранила власть своихъ князей, которые сдѣлались такимъ образомъ посредниками между государствомъ и ханами; во-2-хъ, ей оставлены были ея родные законы и собственный судъ во всѣхъ дѣлахъ, что въ особенности способствовало къ сохраненiю русской жизни и русскаго характера; въ 3-хъ, ей предоставлена была неприкосновенность нетолько религiозныхъ вѣрованiй, но даже и церковнаго устройства, что преимущественно питало чувство народной самостоятельности и привязанности къ своему родному; и въ 4-хъ, наконецъ, Россiя, по опредѣленiю своихъ отношенiй къ ханамъ, удержала за собою, какъ государство самостоятельное, право войны и мира безъ посредства хановъ и ихъ сановниковъ. Та-

кимъ образомъ, Александръ только однимъ умѣньемъ вести переговоры, благоразумною настойчивостью и выжиданіемъ времени достигъ того, что Россія, совершенно покоренная монголами и рѣшительно не имѣвшая силъ имъ противиться, получила отъ своихъ могущественныхъ повелителей, не поднимая оружія, права державы почти самостоятельной. Очевидно, подати, поборы и разныя повинности, наложенныя на русскихъ монголами, были очень тяжелы, и народъ много долженъ былъ терпѣть отъ посланцевъ хана, особенно вначалѣ; но эта тяжесть была временна и, что важнѣе, за Россіею осталась ея народность, эта душа и жизнь государства. Конечно, современники, можетъ быть, не замѣчали этого, но мудрый ратоборецъ за русскую землю зналъ, чего добивался, и посему вполнѣ заслуживаетъ благоговѣніе и благодарность потомства, которое, уже зная послѣдствія Александровыхъ заботъ, можетъ съ большею правдивостью оцѣнить его труды» (Бѣляевъ, в. кн. Ал. Невскій, 28 — 29).— По окончаніи тяжкихъ хлопотъ въ Ордѣ, требовавшихъ страшнаго напряженія силъ, весною 1259 года чрезвычайно утомленный Александръ спѣшилъ изъ Новгорода въ Ростовъ, куда онъ и пріѣхалъ въ среду страстной недѣли. Здѣсь онъ, съ неописуемою радостью встрѣченный семьей, родственниками и народомъ, во главѣ глубокоуважаемаго всѣми престарѣлаго епископа Кирилла, прежде всего отправился съ соборную церковь Успенія Пресв. Богородицы, гдѣ благоговѣйно поклонился онъ мощамъ святаго Леонтія и горячо просилъ священномученика научить и его до конца понести свой крестъ и «пострадать Богови крѣпко» (Ист. Русск. церкви, преосв. Макарія, т. II). Пріятно отдохнувъ въ Ростовѣ, благочестивый князь отправился во Владиміръ, гдѣ въ 1261 году Богъ обрадовалъ его рожденіемъ чет-

вертаго сына Даніила, будущаго князя Московскаго и родоначальника князей—собирателей русской земли (Лавр. л. 203). Благочестивые родители, въ чувствѣ благодарности, посвятили свое дитя Богу, и Богъ прославилъ и поставилъ его во главѣ святыхъ Своихъ — Московскихъ чудотворцевъ.

Послѣдующіе два года были временемъ отдыха, который, послѣ почти безпрерывныхъ трудовъ, даровалъ Господь святому князю. «Христіаномъ бысть тишина велика» свидѣтельствуютъ лѣтописцы о 1260—61 годахъ (Соф. 1, 271; Новг. 1, 57). Въ этотъ краткій промежутокъ времени, неутомимый труженикъ земли русской не столько думалъ о благоустроеніи своей семьи и родныхъ, тѣмъ менѣе заботился о личномъ своемъ благоденствіи, сколько, по безконечной добротѣ сердца своего, заботился о тѣхъ несчастныхъ, которые были въ плѣну у безбожныхъ татаръ. Много и купцовъ русскихъ проживало въ Ордѣ, но несравненно больше было здѣсь плѣнныхъ христіанъ, живши безъ освященія таинствами и умиравшихъ безъ христіанскаго напутствія. Давно и глубоко скорбѣла о нихъ любвеобильная душа благочестиваго князя. Наконецъ, въ 1261 году, вмѣстѣ съ митрополитомъ Кирилломъ, великій князь всея Россіи успѣлъ исходатайствовать предъ ханомъ о дозволеніи устроить епархію на берегахъ Волги, въ самой ханской столицѣ — Сараѣ, гдѣ поставленъ былъ первымъ епископомъ Митрофанъ. Безконечно радовались и утѣшались этимъ великимъ благодѣяніемъ не только несчастные плѣнные, но и русскіе князья съ торговыми людьми, вынужденными пребывать тамъ иногда слишкомъ долгое время.—Что касается другихъ благодѣяній и подвиговъ христіанскаго человѣколюбія, оказанныхъ добродѣтельнымъ Александромъ всей русской странѣ во все время и на

всѣхъ мѣстахъ его Богомъ благословеннаго княженія, то, не перечисляя всѣхъ, вспомнимъ лишь о томъ, какъ онъ усердно уничтожалъ слѣды татарскаго погрома. Въ разоренной тогда монголами Россіи было много людей бродячихъ, оставившихъ свои домы, много осиротѣлыхъ семействъ, много уведенныхъ въ плѣнъ въ Орду, много разоренныхъ храмовъ. И онъ являлся всѣмъ для всѣхъ, всѣхъ обнималъ своею любовью и попеченіемъ. «Сиротамъ и вдовицамъ, говоритъ лѣтописецъ, былъ заступникомъ и безпомощныхъ помощникомъ, не изыде бо изъ дому его никто же тощь» (прол. подъ 23 ноября). Этого мало. Распуганныхъ людей успокоивалъ, бѣжавшихъ въ лѣса собиралъ въ домы, храмы полуразрушенные возобновлялъ, города укрѣплялъ, плѣнныхъ выкупалъ, больныхъ безмездно врачевалъ, нищихъ питалъ и т. д. Но доблестному Александру предстоялъ еще одинъ подвигъ любви къ отечеству и уже послѣдній, среди котораго печальникъ родной земли долженъ былъ, по суду промысла Божія, окончить свою плодотворную—драгоцѣнную для Россіи жизнь.

Въ началѣ 1262 года ханъ своихъ сборщиковъ податей рѣшился замѣнить откупщиками—Хивинцами, предложившими ему свои услуги. Эти откупщики—хивинцы, называемые въ русскихъ лѣтописяхъ «бесерменами», при сборѣ податей обращались съ народомъ крайне жестоко, безъ всякаго милосердія отнимали у него послѣднія средства; въ случаѣ же несостоятельности кого либо, они отнимали скотъ и все имущество, забирали сыновей, дочерей, женъ или самаго главу семейства и уводили въ рабство, распродавая въ разныя стороны съ огромной для себя выгодой (Соф. 1, 271). Кромѣ того, дерзость ихъ доходила даже до того, что они ругались надъ святынею и священствомъ. Давно затаенная глубокая ненависть народа къ притѣсни-

телямъ наконецъ бурно вырвалась наружу. Точно сговорившись, жители Владиміра, Суздаля и Ростова, по звуку вѣчевыхъ колоколовъ, шумно возстали на своихъ поработителей и, не думая о послѣдствіяхъ, всѣхъ ихъ перебили. Страшное азіатское полчище поднялось изъ Орды, чтобы съ огнемъ и мечемъ пройти всю землю русскую. Тогда великій заступникъ земли русской, поручивъ всѣ государственныя дѣла своему сыну Димитрію, поспѣшилъ въ Орду къ хану, чтобы отмолить людей отъ бѣды. «Это путешествіе, — такъ говоритъ историкъ, — было однимъ изъ величайшихъ подвиговъ самоотверженія со стороны Александра... Лѣтописи не говорятъ о подробностяхъ этого путешествія, но дѣло говоритъ само за себя; объ этомъ подвигѣ Александра нельзя вспоминать безъ благоговѣнія къ высокому характеру подвигоположника. Ясно, что Александръ, рѣшаясь отправиться въ Орду, совершенно забывалъ о себѣ и думалъ только о любезной ему Россіи и о священномъ долгѣ Государя, защитника подданныхъ,—онъ шелъ какъ добровольно обреченная искупительная жертва за русскую землю (Бѣляевъ,В.Кн.А.Яр.Невскій 38)».Предъ своимъ отправленіемъ въ Орду, Александръ Ярославичъ, послѣ горячихъ молитвъ и трогательнаго прощанія съ родными, обратился къ своей дружинѣ съ такими многознаменательными словами: «служите сынови моему, акы самому мнѣ, всѣмъ животомъ своимъ». Путешествіе его продолжалось слишкомъ годъ, переговоры шли медленно; большихъ трудовъ стоило уговорить разгнѣванныя татарскія власти, перемѣнить гнѣвъ хана на милость, но успѣхъ въ этомъ дѣлѣ превзошелъ ожиданія. Онъ не только успѣлъ отвратить татарскій погромъ, но и выхлопоталъ у хана освобожденіе русской земли отъ повинности выставить военные отряды для похода противъ Персіи, гдѣ русскіе

должны были бы проливать кровь свою за язычниковъ. Такъ Господь видимо благословлялъ усилія самоотверженнаго героя. Съ радостною вѣстью осенью 1263 года возвращался онъ изъ Орды, но тяжкіе труды и душевныя муки, испытанныя имъ въ теченіи всей жизни, совсѣмъ надломили его крѣпкое отъ природы здоровье. По пріѣздѣ въ Нижній, Александръ такъ ослабѣлъ силами, что долженъ былъ остановиться здѣсь для отдыха. Немного оправившись, онъ снова продолжалъ путь ко Владиміру, но, доѣхавъ до Городца (Волжскаго), тяжко занемогъ... Стояла глубокая осень: суровая погода только ускоряла конецъ его многотрудной жизни, — и вотъ страдалецъ за землю русскую сталъ готовиться къ переходу въ вѣчность. Чувствуя приближеніе смерти, князь, по влеченію сердца своего, во всю жизнь стремившагося къ Богу, принялъ схиму и постриженіе въ иночество съ именемъ Алексія. Когда совершился обрядъ постриженія, Алексій, преискренне пріобщившись Св. Христовыхъ Таинъ и трогательно простившись съ своими родными, братьями и всѣми приближенными, 14 ноября 1263 года во всей красѣ мужества, 43-хъ лѣтъ отъ роду, тихо предалъ свою чистую душу въ руки Божіи. Такъ блаженный Александръ, труженикъ и печальникъ всей земли русской, ходатайствовалъ за многострадательныхъ нашихъ предковъ много разъ — до тѣмъ поръ, пока совсѣмъ не истощились тѣлесныя силы его на пути, пока, достигши земного отечества, не отошелъ, облекшись въ схиму, въ отечество небесное,—къ сонму святыхъ Божіихъ, чтобы, предстоя предъ самымъ престоломъ Всевышняго, *владѣющаго царствами человѣческими* (Дан. IV, 14), быть всегдашнимъ покровителемъ и хранителемъ цѣною жизни спасенной имъ Россіи!.. Вотъ истинно великій образецъ вѣры въ Бога

глубокой и любви къ ближнимъ чистѣйшей—благоплодной! «Дай Богъ, чтобы примѣръ святой его жизни находилъ какъ можно болѣе вѣрныхъ подражателей, и нынѣшніе сыны Россіи всегда также достойны были благоволенія Божія, покровительства и помощи своего заступника—св. благовѣрнаго князя Александра и всѣхъ святыхъ, какъ въ дни своей жизни достоинъ былъ онъ — герой Невскій!» (Христ. Чт. 1852 г., II).

Во Владимірѣ не знали еще о блаженной кончинѣ благовѣрнаго князя. Тамъ митрополитъ Кириллъ вмѣстѣ съ своею паствой продолжали возносить теплыя молитвы Богу, молились о благополучномъ возвращеніи в. князя, котораго всѣ такъ долго и съ нетерпѣніемъ ждали. Устремляя свои взоры горѣ, какъ бы къ самому престолу Всевышняго, святитель внезапно былъ пораженъ необычайнымъ видѣніемъ: предъ нимъ, какъ живой, но озаренный неземнымъ сіяніемъ, в. князь Александръ... Тихо, какъ бы возносясь на крыльяхъ ангельскихъ, удалялся вверхъ, скрылось отъ очей святителя «подобіе образа блаженнаго в. князя Александра». Митрополитъ понялъ, что доблестнаго защитника отечества не стало, и слезы закапали изъ главъ старца. «Чада мая милая, знайте, что зашло солнце земли русской». Народъ сначала не понялъ словъ святителя. Тогда святитель снова сказалъ: «благовѣрный в. князь Александръ нынѣ преставился». (Соф. Вр. 373). Слезы и рыданія народа прервали рѣчь святителя, всѣ поняли горькій смыслъ словъ его и въ одинъ голосъ закричали: «мы погибаемъ»! Въ этихъ двухъ словахъ вылилась вся сердечная скорбь искони царелюбиваго русскаго народа о великой потерѣ для Россіи въ лицѣ наилучшаго защитника и печальника о ней. Во время обратнаго шествія во Владиміръ и отпѣванія тѣла, рыданія народныя были настолько

велики, что заглушали даже пѣніе погребальное; самое пѣніе прерывалось отъ собственныхъ слезъ пѣвцовъ. «И бысть, говоритъ лѣтописецъ, плачъ великій, и кричаніе и туга, яко же нѣсть такова бывала, токмо и земли трястися» (Соф. 1, 373). Но Господь утѣшилъ осиротѣвшій народъ, скоро явилъ заслуженную небесную славу святаго угодника, и тѣмъ показалъ ему, что защитникъ родной земли живъ предъ Нимъ. Когда митрополитъ Кириллъ, по окончаніи отпѣванія, подошелъ къ усопшему, чтобы вложить въ его руку разрѣшительную грамоту, тогда блаженный князь, какъ бы живой, изъ гроба простеръ руку и, принявъ ею грамоту, опять сложилъ крестообразно руки свои. Это было первое знаменіе небесной славы, которую стяжалъ св. угодникъ Божій у престола Всевышняго. Совершилось это 23 ноября, почему наша православная Церковь въ этотъ день воспоминаетъ славное преставленіе св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго.

Блаженная кончина Александра Ярославича Невскаго, такъ сердечно описанная современными ему лѣтописцами *), во всѣ времена вызывала многихъ благочестивыхъ жизнеописателей св. князя на глубокія и проникнутыя теплымъ чувствомъ размышленія. Остановимся для примѣра на одномъ изъ нихъ. «Такъ рановременно по суду человѣческому и благовременно по намѣреніямъ Промысла Божія, такъ свято предъ очами Божіими и человѣческими, кончилась жизнь св. Александра Невскаго!.. Кончилось видимое общеніе св. князя съ любившимъ его народомъ,

*) „Горе тебѣ, бѣдный человѣче“—такія, напримѣръ, вылились нѣкогда слова изъ горячо любящаго сердца Александрова современника. „Какъ опишешь ты кончину господина своего? Какъ не выпадутъ у тебя зѣницы вмѣстѣ съ слезами? Какъ отъ тоски не разорвется у тебя сердце? Человѣкъ можетъ оставить отца, а добраго господина нельзя оставить, съ нимъ бы и въ гробъ легъ, если бъ можно было!“

но вмѣстѣ съ нимъ началась безсмертная жизнь имени его въ благодарной памяти народной, передававшей изъ вѣка въ вѣкъ славу подвиговъ героя Невскаго. Кончилось предопредѣленное ему время подвиговъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ началось нескончаемое время его наградъ, которыхъ не замѣнила бы самая продолжительная жизнь со всѣми ея радостями... О, вѣдомы ли были блаженному духу твоему, отецъ отечества своего, спасшій его въ самую тяжкую годину отъ самаго тяжкаго горя,—вѣдомы ли были духу тѣ рыданія и слезы, съ какими народъ твой принялъ вѣсть о кончинѣ твоей, съ какимъ принялъ онъ драгоцѣнное сокровище—останки твои и предалъ ихъ землѣ? Не мало огорченій среди непрерывныхъ, тяжкихъ и въ высшей степени благородныхъ трудовъ испыталъ ты со стороны неразумныхъ чадъ твоихъ—твоего народа: теперь утѣшился бы духъ твой, если бы нуждался въ земныхъ утѣшеніяхъ: теперь увидѣлъ бы ты, какъ цѣнили тебя, какъ любили тебя, ангелъ-хранитель добраго народа русскаго!.. За тебя слава не только царства русскаго, но и святой церкви Христовой, радуемся мы, не столько припоминая ту честь, какую воздалъ тебѣ народъ твой, сколько съ благоговѣніемъ приникая къ славѣ, какую достойно воздалъ тебѣ Господь! Съ радостію припоминаемъ явныя знаменія прославленія твоего на небѣ... Въ славѣ твоего, просіявшаго нетлѣніемъ, тѣла, мы прозираемъ вѣчную славу твоего духа, блаженствующаго въ обителяхъ Отца небеснаго, и благословляемъ святѣйшее имя Господа, дарующаго вѣрнымъ рабамъ Своимъ вѣчную славу въ воздаяніе за ихъ труды... Благословляемъ и твое святѣйшее имя, благоговѣя предъ множествомъ твоихъ подвиговъ и трудовъ, а еще болѣе—предъ высотою и чистотою святой

души твоей, всегда бодрственной, всегда всецѣло Богу преданной, умѣвшей каждое изъ дѣлъ жизни возводить въ достоинство жертвы и служенія Богу» (Христ. Чт. 1852 г. II, 503—509. Степ. кн. 1,375 — похвала св. Александру).

То достойно вниманія, что блаж. Александръ, витязь Невскій, и послѣ преставленія не оставляетъ своей паствы, день и ночь о ней бдящій какъ живой, заступая ее отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Достойно вниманія и то, замѣчаетъ историкъ-жизнеописатель, что сей благовѣрный поборникъ земли русской, всю жизнь подвизавшійся для ея спасенія, дѣйствовалъ въ томъ же духѣ и за предѣлами гроба, проявляя небесный покровъ свой въ самыя тяжкія годины испытанія (Жит. св. Р. Ц. ноябрь 274). Не касаясь историческихъ подробностей о томъ, когда и въ чемъ въ разныя времена обнаруживалось это небесное посмертное покровительство блаж. Александра нашему многострадальному отечеству, прямо перейдемъ мы къ описанію обрѣтенія мощей небесною славою увѣнчаннаго угодника Божія. Прошло 117 лѣтъ послѣ блаженной его кончины. Во Владимірѣ, въ обители Рождества Пресв. Богородицы, въ тиши ночного уединенія, близъ гроба Александрова, съ 7 на 8 сентября 1380 года, благочестивый инокъ пламенно молился Богу, прося заступничества св. благовѣрнаго князя въ тяжелой борьбѣ съ ненавистными притѣснителями отечества. И вотъ видитъ: у гробницы его зажигаются свѣчи сами собой, къ ней подходятъ два свѣтозарныхъ старца и говорятъ: «Александре, востани и спаси правнука твоего Димитрія, одолѣваемаго иноплеменниками!» Св. Александръ всталъ и всѣ стали невидимы... Дивное видѣніе это происходило въ ту достопамятную ночь, когда Дмитрій Іоанновичъ готовъ былъ

на утро вступить въ бой съ полчищами Мамая. Инокъ повѣдалъ видѣніе святителю; святитель разсказалъ о немъ в. князю. Послѣ благополучнаго окончанія достопамятной Куликовской битвы, святитель съ освященнымъ соборомъ немедленно отправился въ Владиміръ, гдѣ съ молитвою приступили къ могилѣ Александра и раскопали ее. Тѣло блаженнаго князя послѣ 117 лѣтъ оказалось нетлѣннымъ. «Въ чувствѣ глубокаго умиленія и благоговѣнія предъ судьбами Всевышняго, прославляющаго угодниковъ Своихъ, митрополитъ положилъ тѣло святаго въ ракѣ поверхъ земли» (Соф. 1, 374). Исцѣленія съ этого времени потекли обильною струей: слѣпые получали зрѣніе, хромые укрѣплялись ногами, разслабленные возстановлялись силами. Минуло почти три съ половиной столѣтія послѣ открытія нетлѣнныхъ мощей св. князя Александра, настало наконецъ славное царствованіе Петра. Императоръ Петръ великій, овладѣвъ берегами Балтійскаго моря и создавъ Петроградъ, въ 1724 году перенесъ на Неву изъ Владиміра и священные останки великаго князя Александра Ярославича, какъ бы посвящая ему, витязю Невскому, свое дорогое дѣтище—свою новую столицу, желая тѣмъ утвердить ея знаменитую будущность и ввѣрить его небесному покровительству весь край сѣверной Россіи. За 14 лѣтъ ранѣе этого торжественнаго перенесенія честныхъ мощей, Императоръ Петръ I, заключившій миръ съ Швеціею послѣ продолжительной войны, въ 1710 году на берегахъ Невы основалъ славную нынѣ Александро-Невскую Лавру. По совѣщанію съ Святѣйшимъ Сунодомъ, Императоръ повелѣлъ заблаговременно устроить великолѣпную раку для святыхъ мощей. До Новгорода честныя мощи съ торжествомъ были несены на рукахъ, а отъ Новгорода были везены водою на богато-украшенной *ладьи*. Перенесеніе

мощей совершилось 30 августа 1724 года, въ день освященія храма Св. Троицы въ Невскомъ монастырѣ. Императоръ Петръ самъ встрѣтилъ мощи святаго князя у устья Ижоры и, поставивъ ихъ на свой знаменитый «ботикъ», съ своими вельможами везъ въ С.-Петербургъ, и по пріѣздѣ отъ нарочно устроенной пристани самъ съ сановниками понесъ драгоцѣнную святыню въ монастырь. Во вратахъ его архіепископъ Новгородскій Ѳеодосій съ членами Святѣйшаго Синода и освященнымъ соборомъ встрѣтилъ святыя мощи, которыя были благоговѣйно внесены во вновь устроенный храмъ во имя Александра Невскаго. Три дня ликовала и праздновала новая столица это прерадостнѣйшее событіе, и тогда же установлено было праздновать торжество перенесенія св. мощей ежегодно 30 го августа. Ближайшіе и дальнѣйшіе преемники Петра I были также достойными почитателями памяти великаго поборника отечества и вѣры православной. Императрица Екатерина I въ 1725 году учредила, согласно съ волею великаго своего супруга, кавалерскій орденъ св. Александра Невскаго,— одинъ изъ самыхъ высшихъ наградъ за заслуги отечеству. Императрица Елизавета Петровна соорудила св. покровителю столицы новую серебряную великолѣпную раку и учредила 30 августа ежегодно совершать крестный ходъ изъ Казанскаго собора въ Александро-Невскую Лавру. Императрица Екатерина II пожелала воздвигнуть въ Невской Лаврѣ новый, достойный хранящейся святыни, соборный храмъ во имя Св. Троицы. Въ 1760 году постройка зданія величественнаго собора была окончена 30 августа и, послѣ торжественнаго освященія его, сюда перенесены были святыя мощи Александра Ярославича Невскаго, гдѣ и до нынѣ онѣ почиваютъ. Святая ревность послѣдующихъ благочестивыхъ русскихъ самодержцевъ не ослабѣвала и

видимо выражалась въ частыхъ посѣщеніяхъ св. обители, а также въ драгоцѣнныхъ приношеніяхъ, особенно со стороны трехъ незабвенныхъ монарховъ русской земли, украшавшихся именемъ св. Александра Невскаго. Благо намъ, если мы чаще будемъ вспоминать свѣтлый образъ этихъ въ Бозѣ почившихъ благороднѣйшихъ нашей Россіи царей и непрестанно молиться Всевышнему объ упокоеніи ихъ безсмертнаго духа въ свѣтлыхъ обителяхъ Царя небеснаго вмѣстѣ съ тезоименитымъ благовѣрнымъ княземъ Александромъ Невскимъ.

Православная наша Церковь въ своихъ священныхъ пѣснопѣніяхъ ярко рисуетъ передъ нами свѣтозарный образъ благов. Александра Невскаго, изъ коихъ главныя мы и приведемъ въ заключеніе своего краткаго жизнеописанія.

Тропарь, гл. 4. Яко благочестиваго корене пречестная отрасль былъ еси, блаженне Александре, яви бо тя Христосъ, яко нѣкое божественное сокровище Россійской земли, новаго чудотворца, преславна и благопріятна: и днесь сошедшеся въ память твою вѣрою и любовію во псалмѣхъ и пѣніихъ радующеся славимъ Господа, давшаго тебѣ благодать исцѣленій: Егоже моли спасти градъ сей, и Державѣ сродникъ твоихъ Богоугоднѣй быти, и сыновомъ Россійскимъ спастися.

Кондакъ, гл. 8. Яко звѣзду тя пресвѣтлу почитаемъ, отъ востока возсіявшую и на западъ пришедшую: всю бо страну сію чудесы и добротою обогащаеми, и просвѣщаеми вѣрою чтущія память твою, Александре блаженне: сего ради днесь празднуемъ твое успеніе, людіе твои сущіи, моли спасти отечество твое и державу православнаго Императора нашего Николая Александровича, и вся притекающія къ рацѣ мощей твоихъ, и вѣрно вопіющія ти: радуйся, граду нашему утвержденіе.

Молитва. Скорый помощниче всѣхъ усердно къ тебѣ прибѣгающихъ, и теплый нашъ предъ Господемъ предстателю, святый благовѣрный княже Александре! Призри милостивно на ны недостойныя, многими беззаконіи непотребны себѣ сотворшія, къ рацѣ мощей твоихъ нынѣ притекающія, и изъ глубины сердецъ къ тебѣ взывающія: ты въ житіи своемъ ревнитель и защитникъ православныя вѣры былъ еси, и насъ въ ней теплыми твоими къ Богу молитвами непоколебимы утверди. Ты великое возложенное на тя служеніе тщательно проходилъ еси, и насъ твоею помощью пребывати коегождо, въ неже призванъ есть, настави. Ты, побѣдивъ полки супостатовъ, отъ предѣловъ Россійскихъ отгналъ еси, и на насъ ополчающихся всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ низложи. Ты, оставивъ тлѣнный вѣнецъ царства земнаго, избралъ еси безмолвное житіе, и нынѣ праведно вѣнцемъ нетлѣннымъ увѣнчанный на небесѣхъ царствуеши, исходатайствуй и намъ, смиренно молимъ тя, житіе тихое и безмятежное, и къ вѣчному царствію шествіе неуклонное твоимъ предстательствомъ устрой намъ. Предстоя же со всѣми святыми престолу Божію, молися о всѣхъ православныхъ христіанѣхъ, Самодержавнѣйшемъ Великомъ Государѣ нашемъ Императорѣ Николаѣ Александровичѣ всея Россіи, да сохранитъ ихъ Господь Богъ Своею благодатію въ мирѣ, здравіи, долгоденстіи и всякомъ благополучіи въ должайшая лѣта, да присно славимъ и благословимъ Бога, въ Троицѣ Святѣй славимаго, Отца, и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь (изъ акаѳиста св. благов. князю Александру Невскому).

Памяти Царя-Миротворца.

Дорого и священно для русскаго сердца незабвенное имя Царя Миротворца. Кто не помнитъ, какъ св. Русь три года тому назадъ, — въ памятное время общенароднаго горя, оплакала своего возлюбленнаго, въ Бозѣ почившаго Царя-Александра III,—оплакала слезами столь же неподдѣльной, искреннѣйшей скорби, какъ нѣкогда блаженную кончину св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго? Кто не знаетъ, что и весь міръ, изумленный чудною красотой великой души нашего Мо-

нарха, вознесъ тогда величественный и молитвенно задушевный гимнъ во славу Его? «Царь-подвижникъ, Царь-православный, Царь-по сердцу Божію, по закону евангельскому. Царь-правило вѣры, образъ величія, кротости и самоотверженія. Царь-вѣяніе духа древней Россіи,— великихъ носителей лучшихъ завѣтовъ ея далекаго прошлаго (Владиміра Святаго, Ярослава Мрдраго, Владиміра Мономаха), въ особенности—Александра Невскаго»,—вотъ тѣ немногіе отголоски нашего отечественнаго и иноземнаго гимна! Отрадны и пріятны, конечно, для русскаго царелюбиваго народа подобные правдивые отзывы всего свѣта о нравственномъ, величавомъ обликѣ Царя-Миротворца. Но еше несравненно утѣшительнѣе и отраднѣе каждому русскому вѣрноподданному питать твердую надежду, что, какъ вѣчную славную память свято хранитъ наша св. Русь о блаженномъ Александрѣ Невскомъ, «иже много трудишеся, за землю русскую животъ свой полагая», такъ же точно не забудетъ никогда въ молитвахъ ни русскій народъ, ни православная Церковь своего о Господѣ почившаго Государя-Александра Александровича, любившаго родную землю «всею силою своей русской души» и служившаго ей «не щадя ни здоровья своего, ни жизни» (слова Высочайшаго Манифеста).

Древній богомудрый царь вѣщаетъ намъ: *путіе праведныхъ подобнѣ свѣту свѣтятся: предходятъ и просвѣщаютъ, дондеже исправится день* (Притч. 4, 18). Это значитъ, что жизнь праведниковъ подобна свѣту, который можетъ не только предуказывать, но и освѣщать для насъ путь къ будущему свѣтлому царству также полно, какъ дневной яркій свѣтъ полно освѣщаетъ внѣшніе предметы. Не осуществился ли, посмотримъ, многознаменательный смыслъ этой богомудрой притчи въ

свѣтлой личности въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III? Да, какъ живой, воскресаетъ онъ въ нашей памяти, вновь является онъ, одаренный всѣми дарами царственной благодати во всемъ величіи своего обаятельнаго образа! А на ряду съ нимъ возстаетъ передъ нами изъ глубины вѣковъ, какъ наилучшій его прообразъ, свѣтозарный ликъ небесною славою увѣнчаннаго Александра Невскаго. Не озарялась ли на самомъ дѣлѣ вся чистая и возвышенная жизнь почившаго муропомазанника дивными проявленіями Божьяго благословенія и покрова подобно тому, какъ Божіе Провидѣніе охраняло среди ужасныхъ опасностей тезоименитаго Ему хранителя земли русской,—витязя Невскаго? И правда, чѣмъ болѣе всматриваешься въ возвышенные черты святаго древняго русскаго князя, тѣмъ болѣе поражаешься и его близкимъ духовнымъ родствомъ и его внѣшнимъ даже сходствомъ съ покинувшимъ насъ истиннымъ Отцемъ отечества. Вспомнимъ, что было въ тѣ страшныя времена святаго князя, когда наши многострадальные предки испытали «Божій бичъ»—нашествіе съ востока варварскихъ—азіатскихъ полчищъ, когда и Шведы, и Нѣмцы, и Литва, и постоянно враждующіе между собою наши князья какъ бы сговорились истерзать сердце русское и растерзать на части нашу тогда бѣдную землю... Не такъ же ли и мы подвергались не менѣе страшному нашествію съ Запада чуждыхъ намъ ученій, которыя произвели у насъ въ средѣ многихъ умственную смуту, нравственное шатаніе и привели насъ къ печальнѣйшему событію 1-го Марта?! Не такъ же ли, какъ и тогда, къ великому утѣшенію истинныхъ сыновъ растерзанной Россіи, Богу угодно было воздвигнуть ей такого духовнаго властелина, которому, по вступленіи на престолъ, вскорѣ удалось отвратить страшную тучу бѣдствій и указать русскому

народу на всѣ грядущіе вѣка, въ чемъ долженъ заключаться залогъ его величія и благоденствія?

Припомнимъ далѣе, съ какою чудною полнотой осуществилось на богоизбранномъ, въ Бозѣ почившемъ, Царѣ-Миротворцѣ знаменательное предреченіе нѣкоего русскаго подвижника, святителя Божія Іереміи: «новый наслѣдникъ Всероссійской Державы да будетъ, какъ тезоименитый ему витязь Невскій, утѣшеніемъ Державныхъ Родителей, честію, славою и счастіемъ Россіи». Дѣйствительно, такъ же какъ и блаженный Александръ, нашъ почившій незабвенный Государь постепенно достигъ великихъ плодовъ не громкими дѣлами славы мірской, но величіемъ своего миролюбиваго духа, свѣтлымъ и спокойнымъ разумомъ, глубокимъ смиреніемъ, самоотверженными трудами, «великою правдой души» и непоколебимою вѣрой въ Божіе Провидѣніе и въ силу своего народа. Онъ далъ нашей родной странѣ 12 лѣтъ истиннаго, прочнаго, возвышеннаго счастья! Страхъ Божій, искреннее, живое благочестіе и всецѣлая преданность вѣрѣ православной проникали чистую, «хрустальную» душу его. Онъ любилъ и чтилъ святую Церковь. Онъ любилъ благолѣпіе святыхъ храмовъ, Онъ, подобно древнимъ святымъ русскимъ властелинамъ, горячо заботился о служителяхъ алтаря Господня, духовной богословской науки и церковно-приходской школы. Въ своей царственной заботливости и милостивѣйшемъ вниманіи ко всѣмъ своимъ безъ исключенія многомилліоннымъ вѣрноподданнымъ, сколько Онъ явилъ примѣрнаго благочестія, правды и мудрости!.. Онъ, по древнему выраженію нашихъ предковъ, поистинѣ «все государство сталъ приводить въ достоинство». При немъ процвѣла св. Русь предъ всѣми народами земными. Умиротворилась она

внутри: воскресло ея благочестіе, вновь водворилось въ ней единеніе, поднялось внѣшнее благосостояніе всѣхъ сословій и званій,—словомъ, благословенный миръ почивалъ по лицу всей русской земли, для которой жизнедѣятельность Его, какъ и древняго святаго Князя Александра, была особеннымъ благодѣяніемъ Промысла Божія. Не будемъ много распространяться о томъ, какъ недавно у насъ, что было и во времена св. Александра, Россія испытала всѣ ужасныя бѣдствія голода, когда блаженный князь явился «сиротамъ и вдовицамъ заступникомъ и безпомощнымъ помощникомъ и не изыде изъ дому его никто же тощь». Не напиталъ ли точно такъ же и нашъ почившій возлюбленный Государь, милосердый и сострадательный, свой народъ въ годины голода, подобно своему великому прообразу? Не будемъ болѣе исчислять всѣ великія благодѣянія нашего любвеобильнаго Царя-Миротворца. Да и чье слово въ состояніи выразить всѣ Его благодѣтельные законы, постановленія, учрежденія, преобразованія и улучшенія?!

Кромѣ указаннаго нами духовнаго родства и внутренняго единенія въ чертахъ характера и жизнедѣятельности Александра III съ святымъ Александромъ Невскимъ, можно видѣть поразительное сходство между ними и во внѣшнихъ историческихъ судьбахъ того и другаго. Во первыхъ, такъ же, какъ и у насъ, благочестивый родитель блаженнаго Александра, Ярославъ Всеволодовичъ, скончался отъ вражеской руки, насильственною смертію. Такъ же было растерзано сердце его благороднаго сына, принимавшаго на себя бремя правленія среди тяжелыхъ обстоятельствъ... Такъ же, какъ и почившій избранникъ Божій, св. Александръ не готовился быть главою своего народа, но внезапная кончина старшаго брата сдѣлала

неизбѣжнымъ для него тяжелое бремя правленія. Во вторыхъ, не прошло и 13 лѣтъ послѣ того, какъ Александръ, герой Невскій, получилъ великое княженіе (1250 — 1263 гг.), какъ русской землѣ пришлось уже проститься съ своимъ краснымъ солнышкомъ во цвѣтѣ лѣтъ (43 хъ) и избыткѣ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Не тотъ же ли краткій срокъ пришлось и намъ радоваться на закатившееся наше красное солнце, не такъ же ли во цвѣтѣ лѣтъ и богатырскихъ силъ пришлось оплакивать благороднѣйшаго и лучшаго изъ Царей? Не такъ же ли свято, истинно-христіански, какъ и блаженный Александръ, окончилъ свое славное служеніе на землѣ незабвенный въ памяти народной Государь нашъ, удостоившись, къ «Его великому утѣшенію», не однажды причаститься святыхъ Христовыхъ Таинъ?.. Наконецъ, если сравнимъ жизнеописаніе св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго о скорбныхъ событіяхъ послѣднихъ дней и часовъ его блаженной кончины, то найдемъ и здѣсь поразительное сходство съ такъ рано почившимъ Императоромъ Александромъ III «Вотъ проносится въ душѣ картина давно минувшаго... Такъ же томительно ждутъ русскіе люди извѣстій съ далекой окраины... Великій князь возвращается изъ Орды, куда ходилъ искупительною жертвой за дорогую родину, но возвращается больной, разбитый жестокимъ недугомъ... Провидѣніе не судило неутомимому труженику и страдальцу за землю русскую явиться среди своего народа». Читаемъ далѣе. «Божественная служба совершалась въ соборномъ храмѣ въ стольномъ Владимірѣ. Митрополитъ Кириллъ вмѣстѣ съ своей паствой возносилъ теплыя молитвы Богу, молился, можетъ быть, объ отвращеніи опасностей, грозившихъ отечеству, о благополучномъ воз-

вращеніи князя, котораго такъ долго и съ нетерпѣніемъ ожидали. Среди молитвы внезапно Святитель получилъ чудесное извѣщеніе о кончинѣ св. Александра. Слезы закапали изъ глазъ старца... Съ глубокимъ вздохомъ, голосомъ, въ которомъ слышались рыданія, Митрополитъ громко произнесъ: «Чада моя милая, знайте, что нынѣ благовѣрный князь, великій Александръ преставился»! Ужасъ охватилъ всѣхъ при этихъ словахъ. Храмъ огласился воплями скорби и отчаянія... «И бысть плачь велій, и кричаніе и туга, яко же нѣсть такова бывала, токмо и земли потрястися» (Соф. Врем. 1,273). Вотъ проносится такая же подавляющая душу картина недавно минувшаго... «Съ рыданіями, со слезами молилась Россія о Государѣ, какъ объ отцѣ. Пріостановилась обычная суетливая жизнь, и царила безраздѣльно одна мысль. Всѣ горячо молились здѣсь объ исцѣленіи Царя, чтобы недугъ его упорный, какъ тѣнь безслѣдная, пропалъ. Но— воля Божія совершилась, и не было словъ, не было связныхъ мыслей, чтобы выразить всю необъятную ширь русскаго горя». (Московск. Вѣдомостк. 1894 г. № 291). Перо не въ состояніи, конечно, передать тѣхъ потрясающихъ душу слезъ и рыданій, какими оглашались и православные храмы и дома послѣ того, какъ 20 октября пришла роковая вѣсть о кончинѣ Державнаго страдальца...

Въ глубокомъ траурѣ печальная столица,
Щемящій за душу унылый слышенъ звонъ,
Въ молчаньи тягостномъ бредутъ, понуря лица,
Несмѣтныя толпы во храмъ со всѣхъ сторонъ...
У всѣхъ скорбятъ сердца и слезъ струятся рѣки,
Смущаются умы... Лишь Онъ недвижно спитъ
Одинъ, на чьемъ лицѣ покой застылъ на вѣки,

Одинъ, Кого ничто отнынѣ не смутитъ...
Покинулъ скорбный міръ Царь, правды стягъ державшій,
Могучій мира Стражъ средь рвущихся къ борьбѣ,
Царь, отъ враговъ любовь Себѣ стяжавшій,
Вооруженнымъ грозной силой диктовавшій—
Покой до времени и преданность судьбѣ!
Побѣдой мирною всѣхъ цезарей затмившій,—
Чья слава зиждилась на ужасѣ смертей,—
Царь, сотни тысячъ жизней сохранившій
Народамъ запада и родинѣ Своей!...
Почилъ державный Вождь, Русь мощною рукою
На небывалую подъявшій высоту!...
И вотъ—мы смущены, оставлены Тобою,
Мы чуемъ безъ Тебя свою немоготу...
Но Богъ защита намъ! Ты, правды чистый воинъ,
Свой подвигъ отстрадавъ до скорбнаго конца,
Сподвижницѣ заботъ державнаго вѣнца
Сказалъ «*Покойна будь, Я Самъ вполнѣ покоенъ!*»...
И въ умиленіи внимала Русь Царю...
Въ кончинѣ праведной Онъ далъ намъ намъ утѣшенье,
Въ Его словахъ—грядущаго прозрѣнье!
Россіи начерталъ Онъ свѣтлую зарю!...

Охватившія тогда и наполнившія всѣхъ и каждаго жгучія чувства невыразимой скорби вновь напомнили намъ нашихъ предковъ давноминувшихъ дней блаженной кончины св. Александра Невскаго. Одна и таже «сердечная туга» роднила насъ съ ними тогда... А теперь?! Не горючею слезой, а тихою теплою молитвой «по вся дни» должны мы замѣнить былыя, плачевныя пѣсни и рыданія... Теперь, благодарно памятуя «о славныхъ дѣяніяхъ и добродѣтеляхъ» своего возлюбленнаго почившаго Монарха, вся св. Русь «въ роды родовъ и по вся дни»

должна восносить за Него свои искреннѣйшія, нелицемѣрныя молитвы къ престолу Царя царей, да воздастъ Онъ ему въ мірѣ горнемъ за всѣ великія благодѣянія, какія успѣлъ Онъ оказать ей за время своего кратковременнаго царствованія. Теперь мы питаемъ полную надежду, что вся русская страна будетъ памятовать свою великую потерю, а «особые дни Царя», въ кои вѣрноподданнымъ излиты были при жизни Его щедроты, останутся незабвенными въ умахъ и сердцахъ всѣхъ русскихъ людей. Свято исполнилъ Александръ III свое земное назначеніе, идя свѣтлымъ путемъ праведниковъ, (Притч. 4, 18), всю жизнь озаряемый великими подвигами и мощными молитвами св. угодника Божія — Ему тезоименитаго, и мы глубоко вѣруемъ, что въ небесныхъ обителяхъ всеблагій Господь встрѣтилъ его словами: «добрый рабе и вѣрный, въ маломъ былъ вѣренъ, надъ многимъ тя поставлю: вниди въ радость Господа Своего». Да пребудетъ же о Господѣ почившемъ Александрѣ III и на землѣ вѣчная славная память въ роды родовъ!.. И всѣ мы, русскіе вѣрноподданные, ни чѣмъ не можемъ доказать своей любви къ почившему Отцу отечества, какъ искреннѣйшими о Немъ молитвами и обѣтомъ несокрушимой вѣрности съ сердечною готовностію служить Его Царственному Сыну, нынѣ благополучно царствующему, Благочестивѣйшему Государю нашему Императору Николаю II,—служить «Ему всѣмъ животомъ своимъ» и горячо любить Его.

Священ. Н. Воскресенскій.